

Валерий Большаков

Целитель-12

Валерий Большаков

Целитель-12

«Автор»

2023

Большаков В. П.

Целитель-12 / В. П. Большаков — «Автор», 2023

На дворе 1989 год. СССР серьезно изменился к концу XIII пятилетки, а его рост не оборвался в смутные времена предательской "перестройки". Советский Союз по-прежнему велик, могуч - и нерушим. 1980-е годы не омрачены "эпохой пышных похорон" - старая гвардия жива и здорова, спасибо Мише Гарину. Ему скоро тридцать, но Миша до сих пор не уверен, что СССР спасен, что родную сверхдержаву не собьют с курса. Надвигается глобальный кризис...А что творится за гранью миров, в сопредельном бета-пространстве, где на ПМЖ живет-поживает точная реплика человечества? Там тоже есть Советский Союз, только генсеком КПСС избран Шелепин. Лучше или хуже в "бета-СССР"? Несет ли он угрозу "нашему" СССР или в "Бете" нашли секрет спасения для государства рабочих и крестьян? Кого встретит Гарин по ту сторону локального барьера? Что ждет его в ином мире? Страшно стать дважды "попаданцем"... Но надо, Миша, надо!

© Большаков В. П., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

43

Валерий Большаков

Целитель-12

Валерий Большаков

Ц Е Л И Т Е Л Ь – 1 2

Закономерность видна лишь в перспективе, а вблизи она выглядит, как цепочка совершенно случайных событий

Глава 1.

*Понедельник, 16 января 1989 года. Утро
Московская область, Щелково-40*

– Пока, папусечка! – звонко прощепетала Юлька, подбегая и дотягиваясь губками до моей щеки.

Не покидая кресла, я ласково обнял дитё.

– Пока, Юльчонок.

Девочка резво затопала к дверям, шлепая не застегнутыми войлочными сапожками.

«До чего ж она у нас хорошенькая!» – засмотрелся я.

И коричневое школьное платьице, и задорный хвостик с пышным белым бантом, и даже октябрятская звездочка на лямке фартучка – всё Юле шло.

Пыхтя, первоклашка затягивала тугую «молнию», когда по лестнице поспешно спустилась Рита – одетая, накрашенная, но в тапках. Мимходом чмокнув меня, она картинно застонала, набиваясь на жалость:

– Везет же некоторым... А мне еще целый час добираться!

– Зато – столица, – наставительно поднял я палец, – и табун поклонников.

Жена смешливо прифыркнула, накидывая короткую шубку.

– Время пленять прошло... – вздохнула она, не слишком, впрочем, печалась. – Тридцать годиков!

– Подумаешь! – хмыкнул я. – Софи Лорен или... Джина Лоллобриджида как раз в тридцать и расцвели только. А ты из их числа.

Хотел сперва упомянуть не Джину, а Монику Белуччи, но вовремя вспомнил, что этой красотке всего двадцать пять, и она пока не слишком известна.

Рита молча обула изящные сапожки, и выпрямилась, рассеянно оглаживая вязаное платье. Ее губы то изгибались в туманной улыбке, то приоткрывались, словно не решаясь молвить заветное. Я с удовольствием наблюдал за девушкой – да, именно за девушкой, а не за молодой женщиной, пусть даже ухоженной и шикарной!

– Миша... – смущенно вытолкнула Рита. – Мы на днях... Я с Инной... Да, с Видовой. Инна сама позвонила мне... – она заторопилась. – В кафешку зашли, по запретному эклеру слопали... В общем... М-м... Инна привела Гайдая. И... Он зовет меня сниматься!

– Поздравляю! – сказал я удивленно и обрадованно. – Такую красоту надо обязательно запечатлеть.

Девушка зарделась.

– Я серьезно, Миш! – ее голос прервался от волнения.

– Так и я полон серьезности! – не сразу, но мне удалось выбраться из мяготи кресла. – Снимайся, конечно! Тем более, у такого режиссера. Пусть весь Союз увидит, какая ты у нас красавица! Да, Юль?

– Ага! – охотно поддакнула доча. – У мамочки ножки ровные, ты сам говорил! Помнишь?

– Стройные, – заулыбался я, мечтательно заводя глаза к потолку: – И восхитительно длинные!

– Да ну вас! – румянец нежно окрасил Ритины скулы. – Кроме ног от ушей надо еще что-то между ушами иметь. Талант, например. Иначе на экране выйдет не героиня, а функция!

– Риточка, – проникновенно заговорил я, – а кто сказал, что ты лишена способностей? Поверь мне, каждая женщина – немного актриса, это зашито в генах! У тебя когда пробы?

– З-завтра, – пролепетала «старлетка».

– Вот и расскажешь вечером, как тебя Леонид Иович хвалил!

– Ох, не зна-аю! – заныла Рита. – Я бою-юсь!

Пришла моя очередь тискать и ворковать.

– Чего ты? Всё будет хорошо, и даже лучше!

– Ох, ладно... – наша звезда торопливо засобиралась, пряча стеснение за суетливостью. – Еще не хватало мне опоздать! Юлечка, ты оделась?

– Да, мамулечка!

– Рит, Юльчонка и сам отвезти могу, – вызвался я.

– Нет-нет, мы успеваем! Мне же всё равно по дороге... Так... Ничего не забыла? – Рита завертела головой, оглядывая холл. – Ключи... Радиотелефон... Вроде, в сумке. Чао-какао!

– Чава-какава! – радостно попрощалась Юля, попой отворяя тугую дверь.

– Только про кино никому! Ладно, Юлиус? – донесся Ритин голос, звуча за порогом.

– Ладно, мамулиус! – вызвенел ответ, и створка закрылась. Мягко щелкнул замок.

Улыбаясь по инерции, я прошаркал на кухню. За окном белел двор, сверкая на солнце ночной порошей. Слабый ветер порою тревожил ветки сосен, и снег просыпался искрящимся дымом.

Ворча, из гаража выкатился зеленый «Москвич-417».

Он мне сразу понравился, стоило его увидеть на «фестивале», как называли площадку перед магазином «Автомобили». Ладная, юркая машинка, смахивавшая на «Ниссан-Ноут» из будущего.

Я даже переплатил барыгам со 2-й Южнопортовой – уж очень «Москвичонок» подходил девушке. Как шубка...

...Обе моих красавицы усердно помахали мне – Юлька даже двумя руками – и выехали за ворота. Рита водила очень осторожно – автомобиль у нее двигался плавно и не быстро, на улице я его сразу узнавал, как женщину по походке.

«Москвич» мазнул зеленым бликом, и скрылся за поворотом.

Я пригнулся, выглядывая в небо. В белесой рванине туч ширились голубые прогалы, обещающая ясную студеную высь.

«У индивидуалистов не извилины, а загогулины, раз они так пугаются зависимости, привязанностей... – мои губы дрогнули в невольной улыбке. – До чего же здорово зависеть от родимых женщин!»

– Ма-ау! – Коша активно потерся о мои ноги.

– Жрать хочешь, что ли? – изобразил я удивление.

Кот басисто мурлыкнул, и облизнулся.

– Сначала я! – хозяйский голос звучал до того непримиримо, что котяра понурился, изображая самое несчастное существо на свете.

– А еще говорят, что нами женщины манипулируют... – проворчал я, накладывая в Кошину миску. – Лопай!

Урча, зверюга набросился на завтрак, а мне досталась половина глазуньи, еще теплой, с колечками помидорок и неременной «зелепушкой» – Рита помешалась на луке, укропе и прочих «вершках». Впрочем, «корешки» она нам тоже скармливала, как зело полезные...

Без пятнадцати девять я был готов к труду и обороне.

Тот же день, позже

Щелково-40, проспект Козырева

Сразу за порогом НИИ Времени меня закрутила, завертела маета текучки. Замдиректора – это, может, и статусно, но до чего же хлопотно и скучно!

Отбившись от нудных приставаний особистов, выслушав бодрый доклад Ромуальдыча, я заглянул в аналитический отдел – отдохнуть душой в женском коллективе.

«Малинник! – мелькнуло у меня. – Работа кипит...»

Ядзя с Наташей изящно прислонились к испытательному стенду и, небрежно отодвинув тестеры, оживленно листали польский журнал «Мода».

Лизавета неуклюже вязала шарфик, сверкая спицами – лохматая мохеровая нить тянулась из выдвинутого ящика стола, где перекатывался клубок. Женские губы шевелились – Лиза считала петли.

Ударно трудилась лишь Алла Томилина, фигуристая практикантка из ленинградского Физтеха, натуральная блондинка и большая умница, обожавшая притворяться глупенькой очаровашкой.

Сосредоточенно закусив губку, Томилина стояла у колонны электронного микроскопа, подгоняя фокусировку. Завидев меня, она обворожительно улыбнулась.

– Добренькое утречко, Михаил Петрович! – практикантка незаметно оказалась на «пионерской дистанции» с замдиром.

– Добренькое, – отзеркалил я девичью улыбку.

– Михаил Петрович, а вот... Давно хотела спросить... Это правда, что Госпремию вам за ОГАС дали? – Алла распахнула голубые глазищи.

Они сияли столь невинно, что обычная моя стыдливая настороженность вблизи от красивой девушки поменяла свой знак на снисходительность. Лиза, правда, предупредила меня, что у Аллочки начался весенний охотничий сезон – «Бублик» с Почкиным уже пали жертвами в борьбе роковой. Но у меня-то опыт! Если сложить обе моих жизни, то лет девяносто. Да больше уже...

И я различал в глубине метко стрелявших глазок темные, опасные огонечки – знойного призыва и шалой готовности на всё.

«Ну уж, нет уж!» – решимость моя была тверда.

– ОГАС, Аллочка, занимались Глушков и Китов, – бегло улыбнулся я. – За мной только подсказка для Госкомупра – не делать сеть жестко централизованной, а то одной ракеты хватит, чтобы накрыть какую-нибудь РАСУ, и – хлоп! – вся республика отрезана... Понимэ?

– Понимэ, – Томилина ослепительно улыбнулась, но в холодеющих зрачках оседало разочарование. Напоследок девушка повернулась, задевая меня тугим бедром, и я еле удержался, чтобы не шлепнуть прелестницу по мягкому месту.

Зато поймал одобрительный взгляд Лизы Пуховой – та ревниво относилась к «молодой смене».

– Наташ, – пользуясь служебным положением, я вклинился между модниц, – что там со вчерашним образцом?

– А вот! – Киврина бойко повернулась, цепляя распечатку и протягивая мне. – Всё, как в той серии с недельной дистанцией.

– Вырожденность материи минимальна, – подала голос Томилина.

– Угу... – глубокомысленно выразился я, просматривая сухую цифирь.
– Вот бы на месяц тому вперед! Хотя бы в будущее... – вздохнула Ядвига мечтательно. – А то тянут с этой АЭС, тянут... Сколько можно?
– Сколько нужно, – я вернул листки Наташе. – К лету раскошегарят реактор, и будет нам счастье!
– Миш, а ты читал статью Боуэrsa? – резко выпрямилась Лиза, пряча вязание в стол.
– Володька ее на сайт выложил! – похвасталась Киврина.
– Да у меня комп глючит, – я горестно задрал брови. – Отдал его «Бублику» на поток и разграбление... И кого там Лит наш Боуэрс посылает далеко и надолго?
– Тебя! – хихикнула Наташа. – И твою теорию совмещенных пространств. Говорит, что она противоречит постулатам Эйнштейна!
– На костер меня, еретика... – пробормотал я. – Лизочка, а у тебя можно глянуть?
– Конечно, конечно! – подхватила Пухова, освобождая мне место.
«И чего Володька жалуется на свой отдел? – пришло мне в голову. – Прекрасный коллектив! Во всех смыслах. Но, с другой стороны, при таких делах...»
Я оценивающе скользнул взглядом по кипенно-белому Лизиному халату, по всем его роскошным округлостям и западинам – и мои пальцы нервно зажали «мышу», кликая по иконке Интерсети.
«...Столько бед и забот, – додумал я, – ах, спаси, Аллах!»
Как успокоительное, на меня сошло воспоминание о первом пробном запуске. Это было в конце прошлого лета.
Вообще, «Интерсеть» зачиналась, как один из проектов СЭВ, вроде «Интеркосмоса» или «Интератомэнерго», а мы со «старосытами» всего лишь развили начатое не нами. Вначале было слово...
Ровно в пол-одиннадцатого вечера двадцать девятого октября шестьдесят девятого года Чарли Клейн из Калтеха подключился к компу Билла Дюваля в Стэнфорде, и передал слово «LOGIN».
А мы, если можно так выразиться, перехватили эстафету. Сразу зарядили наши ЭВМ всем, что нужно для зачина – советской моделью интернет-протоколов, вроде стека TCP/IP, протоколами чата и HTTP, браузером «Мозаика» (да простит меня Маркуша Андерссен)...
«Ура! – сказал Шарик. – Заработало!»
Сорок с чем-то тысяч компьютеров СССР, Чехословакии, ГДР, Венгрии, Югославии, Польши и даже Кубы «попались» в «Интерсеть». Поговаривают, что американские ARPANET и NSFNet тоже не прочь в нее угодить, и терпеливо ожидают, когда же КГБ даст «добро»...
Сайт институтской «локалки» открылся, зарябив буквами, цифрами и причудливыми значками. Ага... Вот, Володька специально выделил абзац красным:
«Г-н Гарин настаивает на том, что с 23-го по 25-е декабря прошлого года якобы наблюдал локальное возмущение неких «межпространственных четырехмерных полей», трактуя его, как резонанс явлений типа «прокол» или «переход». Самое забавное заключается в том, что в указанное время нами действительно фиксировался линейный ретросдвиг с шестиминутным радиусом. Однако г-н Гарин на полном серьезе утверждает, что данный ретросдвиг имел место не на территории США или СССР, а в так называемом пространстве «Бета» (максимально приближенном к нам «сопредельном» пространстве)! Г-ну Гарину следовало бы знать, что общепринятая модель пространственно-временных структур отвергает существование гипотетических «совмещенных (взаимопроникающих) пространств», поскольку оно нарушает признанные эйнштейновские постулаты...»
– Как мне только не стыдно... – пробормотал я, живо уступая место сладко улыбающейся Лизе. – Кошунствую, хулу возношу на Святого Альберта...

– Михаил Петрович! – мелодично воззвала Аллочка. – Ой, я совсем забыла... Вас же Браилов искал!

– Что опять не слава богу? – заворчал я по-стариковски, огибая лабораторные камеры, и восхитился девичьей находчивостью.

Томилина низко прогнулась, задумчиво пялясь в экран дисплея – и выставив «нижние девяносто», соблазнительно обтянутые халатиком. Этаким озорной посыл с толстым намеком – не видишь, что ли, чего лишаешься?

«Вижу», – подумал я, шагая мимо, и ущипнул коварную.

Аллочка радостно взвизгнула...

* * *

Я спокойно стоял, прислонившись спиной к хронокамере, а Мишка Браилов метался по лаборатории, заложив руки за спину и сильно сутулясь. В этой позе он напоминал мне Адольфа Алоизыча, психующего после неудач на Восточном фронте. Кадры из киноэпопеи «Освобождение» – генералы с фельдмаршалами тянутся во фронт, а фюрер бежит перед ними в неадекватности...

– Не мельтеши, – посоветовал я, тотчас же поняв, что выдернул чеку.

– Не мельтешишь?! – взорвался «иномирец». – Ты что, не понимаешь? Всё пропало! Президент приезжает, установка не фурычит...

– Ты неправильно цитируешь Козодоева, – хладнокровно сказал я, отталкиваясь от гладкой панели. – Как говорит наш дорогой шеф, в нашем деле главное – социалистический реализм!

Отшагнув, оглядел огромный преобразователь пространства. Величиной он был с силосную башню. Спаренную. Густо обмотанную кабелями, медными жилами, утыканную блестящими пластинами... Мега-сайенс.

Браилов глубоко вдохнул, медленно выдохнул – и будто сдулся. Поник и увял.

– Помнишь, как вы нас... туда? – глухо вытолкнул он. – Хватило одного бета-ретранслятора, ведь с той стороны работала вот такая вот бандура, – Мишка кивнул на преобразователь. – А теперь – всё! Халява кончилась. Они там понаставили вышек с отражателями, и... Да сам же видел! Возмущения четырехмерных полей не прекращаются пятый год подряд. И если б локальные, а то на весь Советский Союз!

– И что теперь? – послышался голос от двери.

Мишка застыл столбом, а я учтиво поклонился.

– Здравствуйте, Юрий Владимирович.

– Здравствуйте... Миши! – мягко улыбнулся президент СССР.

Он сделал нетерпеливый жест, и «другие официальные лица» остались за порогом-комингсом. Прикрепленный тихонько лягнул стальной дверью.

– И что теперь? – повторил Андропов, блеснув очками. – Вход в «Бету» закрыт?

– Только в пределах тамошнего СССР! – поспешно ответил Мишка

– А за пределами?

– Межпространственная «буря» спадает до нуля, не достигая побережья Турции, – взбодрился «брат-близнец». – На западе гаснет примерно посередине Балтики, а на юге выходит к границам Пакистана. Но! Выстроить преобразователь за границей... – он озабоченно покачал головой. – Ненадежно как-то... Ну, если только где-нибудь в Чехословакии, в расположении Центральной группы войск!

Я слушал его рассеянно, поглядывая за огромное окно на длинные плоские здания института. Их стены темнели, словно впитывая тень – просветлевшие небеса вновь затягивались хмарью.

– Мне кажется, есть вариант попроще, – вырвалось у меня. – Корабль в океане.

– Корабль?! – вытаращился Мишка.

– Вернее, судно, – я неопределенно повертел кистью. – Какой-нибудь, там, балкер-сухогруз под флагом Либерии! Не маленький, и не большой – средний. Таких по морям, по волнам – сотни, затеряться среди них – нечего делать. Ну, конечно, подшаманить посудину придется. Скажем, захватить в трюм преобразователь пространства, плюс атомный реактор. Не от ДЭСки же запитываться... – и пояснил для Ю Вэ: – Проникновение из нашего пространства в соседствующее происходит тем легче, чем больше концентрация энергии.

– Сто-оп... – в Мишкиных глазах блеснуло понимание. – Так это же... Слушай, тогда можно весь корабль туда перебросить, в «бету»!

– Так, а я о чем? Отплываем из Одессы, по пути измеряем телегенность... э-э... пространственную проницаемость, и следуем... Не знаю... Подальше куда-нибудь, чтобы никого на тысячу километров вокруг, и спутник-шпион не высмотрит с орбиты... Южная Атлантика лучше всего подходит. Там перемещаемся в «бету» – и возвращаемся в Черное море. А дальше... – я усмехнулся. – Ночная высадка нелегалов на берег.

– Годится! – энергично кивнул Андропов.

– Юрий Владимирович... – затянул я. – Всё, что от нас зависит, мы сделаем. И даже, сверх того. Только... Объясните, если это не совсекретно, отчего вдруг такое беспокойство? Зачем нам срочно потребовались засланцы в «Сопределье»? Думаете, «бета-СССР» представляет для нас угрозу?

– Всё проще, ребята... – вздохнул президент. Он смолк, потирая щеку, словно собираясь с мыслями, и продолжил негромко: – Щелково-40 у меня на особом контроле, и даже вы, Миша, не в курсе всех тутошних тайн. После событий на объекте «В», мы максимально ужесточили контроль за научными исследованиями в области хронофизики. А после охватили и физику пространства... – он тонко улыбнулся. – Мы провели удачную инфильтрацию нашего агента в «бета-СССР» еще восемь лет назад!

«Знаю даже, кто вам помог из моих», – подумал я, не пуская к губам ехидцу.

– Раз в месяц выходили на связь... – со вкусом вспоминал Андропов. – И узнали много интересного. Помните, в восемьдесят третьем пропала археологическая экспедиция профессора Каневского? То ли в окрестностях Самарканда, то ли Пенджикента... Ну, не важно. Важно то, что наш человек в «Бете» обнаружил их – там, в спецлагере, на территории «Орехова-40», такого же закрытого научного города, как ваш. И археологов обнаружил, и еще сотню человек, пропавших без вести здесь, в «альфе». Пять лет назад агент крайний раз вышел на связь... – Ю Вэ пожевал губу, и взглянул на меня в упор. – Их нужно вытащить оттуда, Миша. Вот и всё мое беспокойство...

– Ч-черт... – огорчился я. – Если бы мы знали, то ускорили бы работы, и...

– Нет-нет, Миша, – вежливо перебил меня Андропов. – Ваш институт и так работал без выходных! – он сложил ладони и медленно их потер. – Судно мы найдем, наберем экипаж... А ваша задача, товарищи ученые, уменьшить габариты вот этого... м-м... агрегата! – Ю Вэ повел рукой в сторону преобразователя.

– Есть, товарищ президент, – ответил я без улыбки.

– Бу-сде! – подхватил Браилов, и расплылся от облегчения.

Пятница, 20 января. Утро

Вашингтон, Пенсильвания-авеню

С утра устоялось тепло. Правда, стоило задуть знобкому ветру, как разморенные горожане мигом кутались в пальто и шубы. Но ближе к десяти воздух застыл, будто из почтения.

Даунинг усмехнулся. Встал он сегодня рано, семи еще не было, а церемония инаугурации уже, выходит, шла. Как говорил Конфуций, ритуал – прежде всего...

– А что это вы один, Джек? – живо поинтересовалась Нэнси, растягивая ярко накрашенные губы. – Без Синти?

«Лучше бы тебе не улыбаться, – брюзгливо подумал вице-президент. – Дряблая кожа, как мятый пергамент...»

– Синтиция сейчас в Калифорнии, – вежливо ответил он, – ее отец серьезно болен.

– О, да, да! – закатила глаза Розалин Картер, кончиками пальцев подбирая подол платья. – Дочерний долг!

– Прошу, прошу, гости дорогие! – слащаво улыбнулась миссис Рейган, отворяя двери Голубой комнаты.

Действующий президент шагнул навстречу новоизбранному Джимми Картеру – оба сверкнули белозубыми улыбками, хотя глаза их блестели по-разному. У Картера во взгляде светилось отложенное торжество, а за прищуром Рейгана искрилась горькая ирония.

«Ритуал!» – мелькнуло у Даунинга.

Чайная церемония двух президентов вошла в обычай, а традиции, как издавна принято у англосаксов, должны поддерживаться неукоснительно.

Вышколенные слуги сервировали стол – сиял фарфор от Веджвуда, и... Джек не удержал бесстрастного выражения, кривовато усмехнулся – изысканные пирожные подавались на блюдах старинного китайского фаянса.

Нэнси была равнодушна к супруге бывшего директора ЦРУ? Прознав о китайских корнях Синти, хотела ей польстить? Или больно уколоть? Впрочем, все мелкие пакости старой дуры не имеют больше значения – ровно в полдень Первая Леди превратится в обычную пожилую тетку.

Успокоившись, вице-президент пригубил чай. М-м... Очень даже недурно. Правда, он давно привык к зеленому, но и духовитый «Эрл Грей» хорош.

В пустопорожней дискуссии Даунинг почти не принимал участия. Словесная эквилибристика, когда говорят много, красиво – и ни о чем, его не увлекала. Он отделялся короткими «о, да, разумеется», «благодарю, нет» и «кто бы мог подумать?», а сам прокручивал в голове вехи своей жизни. Хоть бытие и прошло хитрым зигзагом, но самую вершину ему удалось-таки покорить...

* * *

Даже президентский кортеж подчинялся церемониальным тонкостям. Первым отъехал «Кадиллак» вице-президентов, с Джорджем Бушем и Джеком Даунингом на заднем сиденье. Следующий лимузин вез жен президентов, а в арьергарде катили их мужья. Причем, уходящий президент сидел справа, а вступающий в должность – слева.

«Почему?» – Так положено, сэр...»

Толпы народа выстроились по обе стороны Пенсильвания-авеню. Черно-белые лица сливались в гомонящую пестроту, машущую звездно-полосатыми флажками и весело орущую.

Ровно в полдень Джимми Картер присягнет, и теперь уже он займет правое сиденье в лимузине. А Ронни Рейган тихонько шмыгнет на восточную площадку за Капитолием, и умахнет на президентском вертолете к базе Эндрюс...

Ритуал прежде всего.

Вице-президент прислушался к себе, ощущая глухое волнение. Оно росло и требовало выхода, и тут никакая цигун помощь не могла. Близился звездный час Джека Грегори Даунинга.

Кортеж доехал до Капитолия...

На пышной Западной лестнице столпились конгрессмены и сенаторы, блещут объективы телекамер...

Без пятнадцати двенадцать.

Невесомый, ошущая, как сердце толкается в горле, Даунинг возложил вздрагивавшую ладонь на Библию.

– Я торжественно клянусь, что буду поддерживать и защищать Конституцию Соединенных Штатов против всех врагов, внешних и внутренних, – разнесся его голос, усиленный динамиками, и вице-президент неожиданно обрел спокойствие. – ... Что я буду хранить к ней истинную верность и лояльность; что я принимаю это обязательство свободно, без какой-либо внутренней оговорки или цели от него уклониться; и что я хорошо и добросовестно буду исполнять обязанности той должности, в которую ныне вступаю. Да поможет мне бог.

Глава 2.

Суббота, 28 января. Утро

Москва, Воробьевское шоссе

Огромный киногородок никак не сочетался со скромным понятием «студия». Мосфильмовская «фабрика грёз» и выглядела, как промышленный комбинат – блоки павильонов высились, будто цеха. Только что трубы не уходили к пасмурному небу, не коптели нависшую облачность.

Рита вошла через парадный въезд, фланкированный колоннами в духе сталинского ампира, и дисциплинированно сунула пропуск суровому вахтеру. Тот благожелательно кивнул пока еще не зажегшейся «звезде». Много их тут хаживало...

Иные уж потухли, выгорев до мелкого доньшка, а он всё сидит в стеклянной конуре. ВОХР – форева!

Актриса, осторожно ступая по наезженному снегу – сапоги предательски скользили – зашагала к монументальному главному корпусу. Капище искусств...

На пробах ее помучили изрядно. Пожилой фотограф с забавным хвостиком седых волос, в растянутом свитере и мешковатых джинсах, резко командовал: «Прямо! Голову чуть левее! В профиль! В полоборота!» – и щелкал, щелкал, щелкал... Стоя, пригнувшись, на коленях и даже лежа. Зато снимки вышли такие, что Рита заробела – неужели это она?

Откуда в ней эта, капельку жеманная надменность и обжигающий взгляд недотроги? Деланное безразличие и неласковая усмешка стервы?

Хиппующий камермен выгащил на свет целую галерею образов, теснившихся в ней одной!

За неделю Рита даже подружилась с Максимычем, а тот всё опекал новенькую, остерегая от богемных причуд или увлеченно рассуждая о «правиле третьей».

Гайдай ее и вовсе загонял. Худой и длинный очкарик, прятавший под линзами очков добрые глаза, он и сам был похож на своих героев. Особенно на Шурика. Но до чего ж придирчив!

«Пройдитесь, Рита... Старайтесь не покачивать бедрами, у вас и без того танцующая походка... Гимнастикой занимались? Отлично... Свет! Камера! Снимаем! Рита, обратно... Остановились! Обернулись... Улыбнулись! Снято!»

А потом произошло событие, в реальности которого она сомневается до сих пор. Ее утвердили на роль. На главную женскую роль!

«Расхитительница гробниц» – название дежурное. Это не совсем комедия, не совсем мелодрама... – Леонид Иович вышагивал перед нею, хлопая себя тростью по ноге, и отчаянно жестикулировал свободной костистой рукою, помогая выразить суть. – Будут гэги, будут трюки, погони, смешные ситуации, но и приключения тоже будут! Предательство, подвиги и подставы – всё, как полагается.

И любовь! Большая, настоящая, страстная! Не пугайтесь, Риточка, – журчал он, – откровенных сцен выйдет совсем мало... Чуть-чуть! Вы слишком красивы, чтобы рассмешить, да это и не нужно. Ваша героиня – советский археолог Лида Арькова... Археологиня! Начальница экспедиции! Она раскапывает индейские пирамиды в джунглях Южной Америки, и для нее не существует ничего, кроме науки. В Лиду безнадежно влюблен ее зам, Владлен Тимошкин – его сыграет Олег Видов... А потом выйдет любовный... даже не треугольник, а квадрат! Русской красавицы станут помогать сразу двое местных – Мигель Альварадо, спесивый латифундист-повеса... на эту роль мы утвердили Боярского... и командир отряда тамошних партизан, что ведут нескончаемую герилью – Санчо с позывным «Идальго». Его сыграет Дима Харатьян... Короче, Альварадо заманит Лиду в дебри сельвы, уведя к древним развалинам, и тут уж коварные планы Мигеля разобьются о непредсказуемые реакции простодушного, наивного Тимошкина... Да, а ваша подруга, Инна Видова, сыграет взбалмошную американку Джейн, сохнущую по Альварадо. Ей он и достанется, в самом конце! А пока... Читка!»

Мужчины сдвинули столы, все расселись, и режиссер торжественно раздал сценарии...

...Рита глубоко вдохнула холодный воздух, пахнувший снегом, и заспешила. Сегодня первый съемочный день! Вот будет весело, если ее погонят со студии за полную профнепригодность...

То страшась неизведанного, то радуясь ему, девушка шагнула за порог киностудии, и оказалась как будто на вокзале. Шум, гам, суета закружили ее в ярком, малость бестолковом круговороте.

– Доброе утро! – весело оскалился Харатьян, неузнаваемый в гриме. – Обычай соблюдаете?

– Нет, – улыбнулась Рита, – не люблю пиво.

На «Мосфильме» день начинался с посещения «железного дьявола» – пивнушки, где автомат за двадцать копеек наливал примерно пинту «Жигулевского», «Бархатного» или даже «Московского».

Кивнув Мише Боярскому, хищно слизывавшему пену с усов, Рита процокала к павильону номер восемь.

* * *

Полдня снимали эпизод «Предложение» в декорации «Автобус», что во втором павильоне. По сценарию, Джейн устает вешаться на Альварадо. Фыркнув в финале, она со злостью хлопает дверцей его роскошной машины, и запрыгивает в маршрутку. Мигель догоняет сеньориту – и делает ей предложение. Со всем латиноамериканским пылом, прямо в грязноватом салоне, где толстые индианки, наряженные в цветастые «цыганские» платья, везут клетки с квохчущими курами.

Больше всех суетился режиссер, выстраивая мизансцены.

После пятого дубля все дружно перешли в павильон номер три.

– Приготовиться! – протяжно закричал Гайдай. – Мотор!

Нескончаемые переговоры осветителей смолкли, а звукорежиссер откликнулся негромким:

– Есть мотор.

Тряхнув челкой, энергичная помреж выставила нумератор, и деловито зачастила:

– Сцена двенадцать, кадр один, дубль один!

Рита поежилась – двенадцатая сцена называлась «Первый поцелуй»...

– Камера! – крикнул режиссер.

– Есть! – кивнул оператор, и «хлопушка» громко, отчетливо щелкнула.

– Начали!

– Лида... – смущенно забормотал Видов. – Извини, но... Я влюбился... в тебя.

Олег неплохо играл робкого «молчела», отчаявшегося на решительный поступок. Касание его твердых губ, готовых раскрыться, неожиданно отозвалось сладкой дрожью – из глубин женской натуры поднималось темное, безрассудное волнение.

Рита сама растерялась от подобного отклика тела, испугалась даже. Она-то всегда считала себя холодноватой, только Мише удавалось разбудить в ней жаркое естество.

– Стоп! – вскочил Гайдай. – Назад! Рита, страстные поцелуи снимем на Кубе, а пока у нас самый первый! Ты изумлена поведением зама, ты негодуешь!

– Да, Леонид Иович, – пролепетала актриса, задыхаясь, – я поняла.

– Представь, что я – нашкодивший кот, – шепнул Видов, ласково улыбаясь. – А ты веником меня, веником!

– Ладно! – Ритины губы дрогнули в вымученной улыбке.

– Еще раз! – скомандовал Гайдай. – Съемка пошла!

– Тишина в павильоне! – строго прикрикнула звукорежиссер.

– Свет! Мотор! Камера!

– Сцена двенадцать, кадр один, дубль два!

Рита очень старалась. Ее лицо пылало от негодования, рука замахивалась, чтобы вlepить пощечину нахалу, но... слабо, плавно опускалась – строго по сценарию.

Довольный режиссер крикнул: «Стоп! Снято!» на двадцатом дубле...

Среда, 15 февраля. День

Ленинград, Балтийский завод

Сухогрузу «Светозар» не исполнилось и пяти годиков, но бывалого Ромуальдыча он привлек вовсе не младостью лет. При водоизмещении чуть более шести тысяч тонн судно обладало машинами мощностью десять тысяч «лошадей», и выдавало двадцать пять узлов на спокойной воде. Для нашей тайной миссии – замечательный бонус.

И смотрится неплохо – белый верх, черный низ – до красной ватерлинии. Надстройка была смещена к корме, а всю палубу занимали крышки трюмов числом три и пара мачт с лебедками.

В общем-то, грузы мы напихаем в первый и третий трюм, а вот второй, что в районе миделя, прячет большо-ой секрет. Нет, если заглянуть сверху, то ничего особенного не заметишь. Ну, пара контейнеров... Огромные ящики, оббитые фанерой...

Чтобы разгадать загадку, надо спуститься вниз, да и вскрыть тару – там прятался мини-реактор и паровая турбина с генератором, а хитро заныканные кабели питали четыре блока преобразователя пространства. Тоже мини.

Ловчее всего мы замаскировали отражатели бета-ретранслятора. Они торчали наружу – метровые пластины, аккуратно покрашенные эмалью. Одна на корме, другая в носу, четыре по бортам. Отражатели слились с прочим моряцким хозяйством, и их никто в упор не видел.

Экипаж набирали тщательней, чем космонавтов. Мне удалось взять с собой Киврина с Корнеевым; Вайткус с Бубликовым напросились сами. Я не возражал – без Ромуальдыча никуда, а «Бублик» за зиму здорово... возмужал, что ли. Дисциплина подтянулась, а присущее Витьке разгильдяйство упало до нуля.

Наверху утвердили всех, ну, а с теми, на чьих заявлениях визу «Годен» ставил не я, познакомлюсь в пути...

Признаться, меня объем работ пугал поначалу больше, чем «морской круиз», но, по нашему хотению, по велению товарища Андропова дела продвигались в темпе...

...Я хмыкнул только, глядячи, как ловкий Бубликов, переквалифицировавшись в маляра, выводит на корме новое название: «BREEZE». Медные, надраенные серп-молот с трубы уже сняли. Выкрасили ее в светло-синий и расписали по трафарету созвездие Кассиопеи.

В кармане закурлыкало. Порывшись, я выцепил плашку радиодина.

– Да?

– Михаил Петрович? Здравствуйте! – послышался осторожный картавый голос. – Это такой Александров вас беспокоит...

– А-а! Павел Сергеевич! Здравствуйте, рад вас слышать!

– А уж я-то! – взбодрился радиодина. – Михаил Петрович...

– Миша.

– Миша... М-м... Не могли бы вы как-нибудь заехать к нам, в Комаровку? Что-то сдает Гусь... Тьфу ты... Андрей... Андрей Николаич. Всё на диване вылеживается, на лыжи еще не вставал...

– Болеет? – выдвинул я версию.

– Да нет... – промямлил Александров. – Похоже, убедил себя, что выдохся, как математик. Я пробовал его расшевелить, да всё без толку. А вас он... ну, хоть выслушает!

– Ага... – задумался я. – Так... Я сейчас в Ленинграде... М-м... Ну, Пулковое тут рядом... Буду у вас после обеда!

Тот же день, позже

Московская область, Комаровка

Когда я вылетал в Питер, то оставил машину на стоянке в Шереметьево. Оттуда и двинул, выдерживая приличную скорость. Меня подгонял голод, но задерживаться в придорожных кафешках не стал, иначе в Комаровке перекормят...

Я ехал, а в голове всё вертелась знаменитая максима Лиса: «Мы всегда будем в ответе за тех, кого приручили». Говорят, что эта истина взята из старинной арабской притчи, но какая разница?

Приручил, научил, уберег от смерти? Следовательно, судьба прирученного, обученного или убереженного – на тебе. А я незаметно спас Колмогорова...

Это должно было случиться весной семьдесят девятого года, ровно десять лет назад. На дверях в подъезде башни «Л» МГУ, где жил Андрей Николаевич, стояла мощнейшая пружина. Однажды, возвращаясь после банкета, академик не придержал тяжеленную створку, и та нанесла подлый удар – бронзовой ручкой, да по голове. По умнейшей голове мира!

У Колмогорова развилась болезнь Паркинсона, он лишился зрения и речи, а в восемьдесят седьмом умер...

Но тут появляюсь я, скромный герой – выкидываю пружину-убийцу, и ставлю дверной доводчик, надежный, как автомат Калашникова!

Величайшему математику ныне восемьдесят шесть. Он больше не устраивает лыжные гонки или заплывы по ледяной Клязьме, но гуляет каждый день, в жару и в холод. И гуляет-то как – всё той же быстрой, с наклоном вперед, разрезающей воздух походкой.

Да что там говорить, если даже в прошлой моей жизни Колмогоров жаловался, что паркинсонизм «мешает ему плавать на спине», а из-за слабеющего зрения он «не видит лыжню»!

Спору нет, в старости ум слабеет. Сам Андрей Николаевич клялся себе, что бросит научную деятельность в шестьдесят лет.

Не вышло! И слава богу. Иначе не видать нам физико-математических школ, а во дворе ФМШИ при МГУ давно пора наваять памятник Колмогорову. Заслужил.

Путая в голове все эти мысли, я проехал поселок Первомайский, застроенный многоэтажками, и свернул на знакомый мост через Клязьму. Старый деревянный дом с антресолями крепко сидел рядом с дачей Заходера.

Сигналить я не стал. Оставив «Волгу» у ворот, вошел в калитку. Шарик тут же заюлил, замел хвостом, привечая частого гостя, а кошка по кличке Кот даже не посмотрел на меня, продолжая лениво намывать ухо, обгрызенное в уличных боях.

– Привет, лохматенции!

Потопаив на крыльце, отряхивая налипший снег, я дождался, что в двери выглянет супруга академика.

– О, Миша приехал! – заулыбалась она, собирая морщины.

– Здрасьте, тетё Ань! Да вот, проезжал мимо. Дай, думаю, загляну!

Мелко рассмеявшись, Анна Дмитриевна проводила меня в дом, похожий на декорацию к фильму о жизни до революции. Старинная мебель, тяжелая, но вечная, навевала дух дворянского гнезда, не затронутого Октябрем.

Сдержанно гудела круглая печь, выложенная изразцами. Тепло от нее расплывалось мягкими волнами, укутывая пространство уютом и ладом. Негромко шелкал маятник настенных часов, отделанных блестящими малахитовыми колонками. А посередке, за большим овальным столом, застеленным белой камчатной скатертью, в одиночестве трапезничал Колмогоров, рассеянный и словно потухший.

Его обед не впечатлял изысками – в глубокой тарелке парили желтые клубни картошки, а на блюде, усыпанная колечками лука и зеленым горошком, разлеглась здоровенная селедочка.

– О-о! – бледно заулыбался академик. – Кто к нам пожаловал! Присоединяйтесь, Миша! – он вяло погрозил пальцем: – Только не говорите, что вы здесь по наущению Пса!

– Да как вы могли такое подумать! – изобразил я возмущение, накладывая себе в тарелку.

Стыдливо усмехаясь, Колмогоров отрезал мне краюху ржаного – руки его дрожали.

– Хочу вас подлечить, – выложил я легенду, придуманную на ходу. – И... есть еще один вопрос, но о нем после. Проголодался я!

– Ну, выпить не предложу, вы за рулем... – забормотал Андрей Николаевич. – А кваску?

– С удовольствием!

Анна Дмитриевна готовила чудеснейший домашний квас, страшно шипучий, и в каждую бутылку обязательно опускала изюминку. Колмогоров наполнил мой стакан, почти не пролив пенный напиток.

– М-м-м... – замычал я, отхлебнув. То, что надо. И куда вкусней аперитива!

Жирный селедочный хвост и пара картофелин избавили меня от многоглаголанья, а когда я слопал добавку, то с пыхтеньем откинулся на спинку.

– Как говорил товарищ Маяковский: «И жизнь хороша, и жить хорошо!» Ну-с...

Я тщательно обтер руки, и вытянул ладони над белыми – не седыми, а именно белыми волосами Колмогорова.

– Припекает будто... – забормотал академик, размякая.

– Отлично... – обронил я напряженным голосом, водя левой рукой вдоль позвоночника нечаянного пациента. – Андрей Николаевич, у меня к вам будет огро-омная просьба...

– Слушаю вас, Миша...

Я выдохнул – и стал выдавать секреты особой государственной важности. Рассказал о хронодинамических экспериментах, упомянул о теории дискретного пространства, о четырехмерных межпространственных полях...

– Нуль-пространство, псевдовремя... – уныло перечислял я. – Мне хватает понимания, как физику, но проблема в ином. Как объять пространственно-временные структуры математически? Тут я пасую. На вас вся надежда, Андрей Николаевич!

– Миша! – всплеснул руками Колмогоров. – Да я бы рад, но... – он с радостным удивлением посмотрел на свои пятерни, подвигал пальцами. – Даже не вздрогнул! Спасибо вам огромное, Миша! Но... Понимаете...

– Да тут хотя бы начать, Андрей Николаевич! – горячо заговорил я, будто не слыша сомнений в голосе академика. – У меня слишком материалистический склад ума, и на каком-то уровне сложности я просто вязну в высших абстракциях, во всех этих топологических премудростях! Единственное, на что меня хватило, это... Даже не знаю, как выразить... Понимаете, Теория Совмещенных Пространств – это, как мостик к новой, расширенной... асимметричной теории относительности! Где пространство вовсе не геометрический объем, а сложнейшая структура, да и время не лишняя сущность в виде дополнительного четвертого измерения. А если положения ТСП верны, и мир действительно представляет собой бесконечную совокупность взаимопроникающих пространств с весьма различными физическими свойствами? Знаете, на что это похоже? Ученые, будто стародавние кочевники, топчутся в убогом загоне, а вокруг – степь бескрайняя, переполненная неведомыми истинами!

На дряблые щеки Колмогорова вернулся румянец, его глаза заблестели.

– Я... попробую, Миша, – выдохнул он. – Только... – академик бросил на меня быстрый озорной взгляд. – Мне нужны детали!

– О-о! – воскликнул я, аккуратно шлепая по монитору микроЭВМ, экран которого изрядно запылится. – Материалов у нас – вагон и маленькая тележка! Скачаю всё на диски, и привезу! Нет, лучше я... – моя рука потянулась к затылку. – Позвоню Киврину, он привезет, а я помогу разобраться, где там что.

– Ну-у... За почин надо выпить! – Андрей Николаевич шлепнул в ладоши. – Чаю, да под ягодный пирог!

Со звоном он выставил на стол два граненых стакана. На подстаканниках были выгравированы пес и гусь.

– Анечка-а! – дребезжащим голосом воззвал Колмогоров. – Чаю дашь нам?

– Несу-у! – послышалось из кухни.

Я успокоенно оседлал стул, весьма гордый собой. Исцелить тело – это я умею с детства. А вот реанимировать душу... Но получилось же! За это не грех и выпить. Чаю. С пирогом.

Там же, позже

Володьке удалось побить мой давнишний рекорд – от Щелково-40 до Комаровки он доехал меньше, чем за полчаса. Видимо, привлеченный моими рассказами о тутошнем квасе. Шутка.

Киврин уже не раз набивался мне в попутчики, чтобы хоть издали глянуть на светило математики. А тут – за одним столом...

Ну, пока Володя накачивался квасом, я зарядил дисковод новенького «Коминтерна-7». У меня на работе стоял такой же, как Старос хвастался – с процом четвертого поколения. Техпроцесс шестьсот нанометров, полтора миллиона транзисторов – и прочая, и прочая, и прочая.

– Миша, – Колмогоров, не в силах усидеть, вил круги по гостиной. – А совмещенные пространства – это чисто теоретическое построение? Или вы уже нащупали хоть какие-то физические проявления?

Киврин, отдуваясь, глянул на меня.

– Каппа-пространство нащупали, – бодро сказал я. – Довольно странный мир – его материя еще не квантована, и находится в доатомном состоянии. А вот бета-пространство... Оно сопредельно нашему, и там проживает точная реплика человечества. Ну, тайной больше, тай-

ной меньше! Открою еще одну – я лично знаком со своим двойником из «Беты»! Так уж случилось...

– Ах, как интересно... – взволнованно прошептал академик, потирая руки в старческих веснушках. – До чего же интересно! А тут жизнь на исходе...

– Андрей Николаевич! – фыркнул Володька, малость освоившись. – Мне бы до ваших лет дожить! И, я слышал, у вас хватает долгожителей в роду?..

– На них вся надежда! – тихонько засмеялся Колмогоров.

– Загружается, – бойко объявил я, покидая гостиную. – А мне надо... м-м... помедитировать.

Приспичило мне.

– Мы с Гришей Перельманом в одной школе учились, – глухо донесся окрепший голос Киврина. – Только он стал математиком, а я как-то отстал, в физики подался...

Усмехнувшись, я закрылся в уборной. Опыт пользования здешней сантехникой у меня был – какую кружку брать, откуда черпать... А для несведущих висела подробная инструкция.

Меня, помнится, всегда смешил ее главный пункт: «По завершению соответствующих процедур воду спускать независимо от грандиозности поставленных целей и величия достигнутых результатов».

Очень стилёво, как выражается Гайдай. В голове мелькнул и пропал образ счастливой Риты, вторично нашедшей себя в этой жизни. Я, помнится, переживал из-за нее. Жене, на мой взгляд, не доставало увлечения, будившего спящие таланты.

У меня скоро должна выйти первая книга, научно-популярное издание «для среднего и старшего школьного возраста», и писанина захватывала целиком. А у Ритки одна работа.

Может, финансовая аналитика и впрямь любопытна, но этого мало. Нашему уму подавай новые впечатления, новые умения – узкая специализация сушит мозги, загоняя их в тесные рамки. А эмоции куда девать? Душе ведь тоже хочется трудов!

И кино для моей красавицы – просто находка. Свежий воздух, впущенный в душную комнатку! Неизведанная дорога, вымощенная желтым кирпичом!

Вот только богема эта... Т-творческая интеллигенция...

Я поежился, вспомнив далекий декабрь, мерзлый, мерзкий – и круглую Инкину грудь, оголенную не для меня...

«Долой негатив!» – подумал я, и недрогнувшей рукой спустил воду.

За маленьким окошком синело небо, рдея закатным румянцем. В лиловеющем прогале затеплилась звезда, укалывая зрачок иглистым высверком. Или это станция «Салют-8» отразила тающий свет Солнца?

Четверг, 16 февраля. Раннее утро

Байконур, площадка № 110

Почтарь лег пораньше, но все равно не выспался. Ворочался, ворочался... А подъем-то ночью, считай! В шесть утра – старт.

У гостиницы «Космонавт» было темно и безлюдно – какие провожающие в четвертом часу? Однако спокойно подремать в автобусе Пахе не дали – неугомонные телевизионщики набились в салон, и галдели, что было сил.

Бойкий ведущий в лаково блестящей курточке присел и ухватился за поручень, чтобы не качаться в кадре.

– Космонавты летят на работу, – начал он сочным баритоном, и сбился. – Эдик!

– Вырежем, шеф, – скучным голосом сказал телеоператор с уголовной внешностью. – Начали.

– Космонавты летят на работу. Мы провожаем тех, кто поведет на орбиту многоцветный корабль «Байкал»...¹

Оператор, растопырившись в проходе, навел камеру на экипаж.

– ...Командир корабля – Игорь Волк, 2-й пилот – Римантас Станкавичюс. Нашим зрителям не нужно напоминать, что именно они двадцать девятого марта прошлого года вывели в космос орбитальный корабль «Буран». Но и третий член экипажа известен всем – это Павел Почтарь, командир ТМК «Заря-1», первого советского пилотируемого корабля, достигшего Луны! Сейчас товарищ Почтарь стажуется в качестве бортиженера «Байкала»...

Изображая хмурую приветливость, Паха помахал рукою в перчатке куда-то в сторону фиолетового объектива.

– Каждый старт «Рассвета» обходится в копеечку, но понемногу окупается – дважды в месяц «челноки» привозят со станции гостинцы – магниевые сплавы для медицинских имплантатов, сверхчистые лекарства, «вечные» подшипники из монокристаллической стали, катушки с абсолютно прозрачным оптоволокном, и кучу прочего добра, – задумчиво журчал ведущий. – Игорь Петрович, скажите, утратила ли работа космонавта ореол героизма?

Почтарь поморщился, а Волк ответил вежливо и твердо:

– Героизм мешает работе.

– А что и кого вы должны доставить на станцию «Салют-8»?

– Смену из семи человек на технологические модули – семерых молодых специалистов, победивших в конкурсе и прошедших полную предполетную подготовку. Ну, и груз – приборы, запас воды, кислорода и продуктов, удобрения для оранжереи...

Руководитель полетов привстал и скрестил руки.

– Фу-у! – весело выдохнул ведущий. – Запись?

Оператор молча показал большой палец – во!

Почтарь тоже повеселел. Свет в салоне наконец-то выключили, и за окнами потянулась ровная степь. Снега не покрывали пространство сплошной белизной – наметы чередовались с пятнами бурой травы и черными проплешинами голой земли.

Ехать долго – сто двадцать км, и Павел задремал. Очнулся он будто по наитию – вдали, высвеченная прожекторами, дыбилась ракета «Рассвет».

Стройная красавица Н-1 была чуть ли не вдвое выше этой «толстушки», чьи бока раздулись от двух пар ускорителей. А сбоку к «Рассвету» прицепился «Байкал», оседлав базовый блок ракеты.

Почтарь заелозил. Н-1 «Раскат»,² конечно, куда эстетичней, но в «Рассвете» дремлет нераскрытая мощь – цепляй боковые блоки, от четырех до восьми, и ракета поднимет за атмосферу хоть сто, хоть двести тонн. Силища!

Автобус остановился неподалеку от башен обслуживания. В ярком свете отливали чисто-белым и ракета-носитель, и «Байкал».

– Внимание! – гулко разнеслось по космодрому. – Объявляется получасовая готовность!

* * *

«Великолепная семерка» угомонилась, заняв места на средней палубе, и командир поднял лицевой щиток. Перекатив голову в шлеме по ложементу, он подмигнул Почтарю. Паха белозубо ухмыльнулся: «Всё – норм!»

¹ Всего существовало три орбитальных корабля – «Буран», «Бура» и «Байкал». Еще два так и не были достроены.

² Ракета Н-1 проходила под шифром «Раскат». «Рассвет» – это первоначальное название ракеты «Энергия». В.П. Глушко лгливо переименовал «изделие» в честь «энергии Перестройки».

Странное дело – именно теперь, когда истекали последние секунды перед стартом, он совершенно успокоился. Может, и впрямь в «небожители» записался?

– Старт! – сипло вытолкнул Волк.

Дрожь, накатившая на «Байкал», усилилась до мелкой тряски, зато обвальным грохотом, что раскатывался по степи, доходил до ушей, как отдаленный гул.

Где-то внизу рушился чудовищный огонь, толкавший супертяж в небо. «Рассвет» приподнялся над стартовым столом, чуть откатнулся назад, влекомый к Земле «полезной нагрузкой», но тут же выпрямился – и потянул вверх.

– Десять секунд. Полет нормальный...

Скоро ракета разгонится, полетит в наклоне – и плавно перевернется «Байкалом» вниз... Ага! Небо повело вбок, вверх полезла неоглядная Земля. А воздух все реже... Чернота космоса проступает всё ясней. Толчок...

– Сто сорок секунд полета. Отделение блоков первой ступени...

Земля ощутимо закругляется, сияет голубым каймой атмосферы, очерчивая хрупкую грань между светом и тьмой, между жизнью и смертью.

– Четыреста восемьдесят секунд. Отделение второй ступени... Начать доразгон!

Штатно включилась объединенная двигательная установка.

– Четыреста восемьдесят две секунды. Корабль вышел на орбиту.

Глава 3.

Четверг, 16 февраля. День по БВ

Околосемная орбита, борт корабля «Байкал»

Двигатели смолкли, корабль с низкой опорной поднялся на переходную эллиптическую орбиту, но тишины не было – смена расшалилась, испытывая невесомость. Слышались возгласы:

– Нет, ты глянь только! Кака-ая...

– А вон, вон!

– Да дай ты посмотреть!

– Полное впечатление, что вишу вниз головой...

– Ага! И морда кровью набрякла...

– Фи! «Морда», главное... У небожителей – лики!

Командир не выдержал, и грозно прикрикнул:

– Эй, небожители! Насмотритесь еще... По местам посадочного расписания, и пристегнуться!

– Есть! – вразнобой грянуло со средней палубы.

– Детский сад, – хихикнул Римантас, – штаны на лямках...

Внизу проплывал Мексиканский залив, его спокойные валы зеленели множеством оттенков, а вода у берегов Кубы отливала ярким малахитом.

– Дальность десять километров, – выдал Почтарь, – цель наблюдаю.

На пульте замигал огонек, и грубоватый басок ворвался в пилотскую кабину:

– Говорит станция «Салют-8»! Видим корабль! Отлично идет, без крена, тангажа, точно по центру.

– Геша, ты, что ли? – весело откликнулся командир.

– О-о! Волчара пожаловал! Здорово! Только учти, землянин – местов нет.

– Чего-чего?

– Повторяю для особо тупеньких, – хихикнули со станции, – все стыковочные узлы заняты! Сейчас мы «Бурю» загрузим, займете ее место. На следующем витке! Понял, санитар

леса? – незримый Геша мгновенно сменил тон на официальный: – По нашим данным, у вас всё идет штатно.

Станкавичюс ехидно ухмыльнулся, клонясь к Почтарю:

– Видать, начальство нагрянуло!

– Разговорчики на орбите! – сурово отозвалась станция.

– Как наблюдаете корабль? – подключился Волк.

– В центре экрана.

– Рассогласование по нулям, – солидно вставил Паха.

– Вы... это... или тормозите, или ускоряйтесь! – заволновался «Салют».

– Не бойсь, объедем!

Орбитальная станция сверкала, как любовно сделанная модель на угольно-черном стенде. Все три базовых блока вытягивались в длинный, вертикально ориентированный цилиндр, от которого, как ветви от ствола, отходили пристыкованные модули – жилые, технологические, служебные, функционально-грузовые, соединительные, лабораторные, всякие. Еще дальше простирались решетчатые фермы, удерживавшие «листву» солнечных батарей и терморадиаторов.

«Пробка! – Почтарь усмехнулся тому мальчишескому, что не унималось в нем, и держало в радостном возбуждении с самого старта. – Точно, как у нас во дворе! Вернешься поздно с дачи, а машину приткнуть некуда...»

Ко всем стыковочным узлам, кто-нибудь, да присосался – ТКС «Луч-4», пара «Союзов», «Буря»... За надирный порт, что «внизу», уцепился «Челленджер», у зенитного пристроилась «Заря-2».

– Понаехали тут... – проворчал Римантас брюзгливо.

– Включай «одуванчик», – велел командир.

– Включаю.

Гул двигателя зашуршал по борту.

– Идет разгон, – привычно доложил Павел. – ОДУ отработала штатно.

Ускорившись, «Байкал» поднялся, пролетая над станцией – восторгов на средней палубе резко прибавилось.

– Ой, а я думал, она на боку летит...

– Это называется гравитационная ориентация.

– Не умничай!

– Здоровущая какая...

– Кэ-эк хряпнется...

– Типун тебе на язык!

«Салют-8» кружил над Землей по полярной орбите – доставить на нее с Байконура удавалось не двадцать четыре тонны полезной нагрузки, а лишь половину, зато все просторы Советского Союза видать. Вот проползли понизу заснеженные, безжизненные канадские острова, и распахнулись нескончаемые белые поля.

Даже из космоса арктические льды не казались плоскими, будто каток. Белизна порой отливала синевой, а ровная плоскость громоздилась торосами или раскалывалась трещинами. Но с борта корабля все эти отдельные сливались в сплошную выстуженную равнину.

Почтарь глянул за толстые «лобовые» стекла – там меркла бесконечная чернота, не пропускавшая свет даже ярких звезд. Солнце ревниво царило в небе...

Неожиданно справа по курсу полыхнула бледно-фиолетовая вспышка. Проморгавшись, Почтарь разглядел крошечный челнок.

– Не понял... – затянул 2-й пилот озадаченно. – Его ж там не было!

– «Челленджер», что ли, обогнал? – пробормотал Волк, гадая. – Да ну, ерунда какая...

– «Буран»? – предположил Станкавичюс. – Господи, что я несу! «Буранчик» только готовится к старту...

– Явно не наш, – присмотрелся Павел. – «Дискавери»?

– Это «Атлантис»! – уверенно сказал командир. – «Дискавери» показывали в новостях, он сейчас на мысе Канаверал, а на «полярку» штатовцы выходят с Ванденберга... Э-э...

Почтарь моргнул – оттого и не увидел вспышки. Но и «шаттл» больше не висел белым бумажным самолетиком. Пропал.

– Может, связаться со станцией? – неуверенно предложил Волк.

– Ага, – кисло сказал 2-й пилот, – чтобы нас отдали мозгокрутам? – он талантливо передразнил станционного бортврача: – «Ну-с, на что жалуемся? Ах, «шаттлы» мерещатся? Нехорошо...»

– Вот что, мужики, – серьезно сказал Павел. – Молчим обо всем! А я со станции звякну одному товарищу...

Мужики молча кивнули.

Тот же день, позже

Московская область, Щелково-40

Спать легли рано.

За окном отчаянно валил снег, как будто зима срочно избавлялась от лежалых запасов. Чуяла, старая, подступавшую весну.

Всё смолкло в доме. Коша умотал на улицу, изнемогая от мартовских позывов, а Юлька гостила у бабушки.

Сытое урчание холодильника почти не достигало спальни, а больше и нечему шуметь. Тишина застыла такая, что я улавливал даже тиканье часов в гостиной. Порой в форточку дышал ветер, пахнувший снегом – тогда пробегали тюлевые волны, и звякали кольца с «крокодильчиками».

– Не спится... – тихонько пробормотала Рита. – А тебе?

– Тоже, – признался я. – Давай, встанем – и налопаемся?

Девушка тихонько засмеялась, ерзая и прижимаясь ко мне спиной. Моя ладонь с удовольствием соскользнула с гладкого бедра на плоский животик. Молодец Юлька, не растянула маме талию. Да и мама молодчинка, упорно ходит на гимнастику. Правда, в последнее время йогой увлеклась...

Рука долго блуждала по вздрагивавшему животу. Спустилась гораздо ниже пупка – и вкрадчиво поднялась, вминая пальцы в приятную округлость, теребя набухший сосок.

– Ты когда угомонишься, фавнёнок? – ласково пожурела Рита.

– Никогда, нимфеточка, – вздохнул я. – Набираюсь впечатлений на месяц вперед!

– На квартал! – хихикнула девушка, совершая развратные действия...

...Угомонились мы где-то через час, уже на диване в гостиной. Одеяла не было, и приходилось нам тискаться друг к другу, чтобы не замерзнуть.

– Подожди минутку...

Встав, я разжег камин, и быстренько вернулся к Рите, разнежено лежавшей в позе мадам Рекомье.

– Сейчас согреешься...

– Да мне и так тепло... Ты горячий, как печка! Слушай, – Ритин голос обрел легкую игривость, – а почему ты обнимаешь не за спину, а... ниже?

– Сравнила! – фыркнул я. – Спинка, она... Она как бы в общем доступе. Вон, у тебя вечернее платье есть, с вырезом до самого копчика!

– И ничего не до самого! И... Оно же тебе нравилось?

– Оно мне и сейчас нравится. Особенно, когда ангажирую тебя где-нибудь в ресторане! Приятно, знаешь, класть руки не на скользкую ткань, а на теплое, гладкое, шелковистое... Танец выходит почти приватный!

– А чего ж ты на Киврина зверем смотрел? На новый год! Помнишь?

– Ну, правильно! А чего он тебя лапал?

– Ага... Тебе, значит, можно Наташку лапать, а ему меня – нельзя?

– Наташка – это другое, – сказал я убежденно.

– Отелло ты мое ревнивое... – нежно заворковала Рита, прижимаясь всем телом.

– Да, я такое... – мои озабоченные пальцы усиленно раздвигали плотно сомкнутые ножки.

– Опять?! Ах, прелюбоде-ей...

Я закрыл девичий рот поцелуем.

* * *

Поленья в камине разгорелись, тихо потрескивая и нагоняя тепло. Отсветы шатались по стенам, пускаясь в пляс с тенями, а снежинки, что скреблись в окно, добавляли уюта.

Мы сидели с Ритой рядом на диване, и бездумно следили за причудливыми изгибами пламени. В трубе гудело.

– Ты проводишь нас? – негромко спросила девушка.

– Обязательно, – кивнул я, запуская пальцы в тяжелые, густые волосы моей брюнеточки. – Когда самолет? В понедельник?

– Ага... – последовал вздох.

– Провожу... Все-таки, хочешь с Юлькой лететь?

– Ну, да... Тебя же самого отправляют в командировку.

Я молча кивнул, перебирая девичьи волосы. Распространяться об экспедиции в «Бету» я не хотел категорически, хотя опускаться до лжи не хотелось еще больше. Спасибо Рите – не стала выпытывать. Уважала мое право на тайну. Хотя и знала, конечно, что я обязательно расскажу ей обо всем, но потом. Однако, терпение – тоже добродетель...

– Юлька будет ходить в школу при нашем посольстве в Гаване, – развивала тему девушка. – Зато, представляешь, сколько впечатлений у ребенка?! Куба! Море! Пальмы! А перелет? А заграница? Да я сама радуюсь! Знаешь, как было приятно, когда ты меня взял с собой в Париж?

– Ну, а как же? – поразился я дурашливо. – В Париж без жены – это все равно, что в Тулу без своего самовара!

Рита засмеялась, и крепко обняла меня.

– Там будут съемки в Гаване, потом на острове Пинос, – увлеченно болтала она. – А еще мы слетаем в Мексику – на Юкатане будем снимать, и даже в Бразилии! Представляешь?

– Роскошная натура! – улыбнулся я, и неуверенно предложил: – Может, поедим все-таки? А то у меня какое-то щемящее чувство...

– А давай!

Девушка накинула халатик, а я натянул свою «ночнушку» – вылинявшую, растянутую футболку. Нам нечего было стесняться на свету, просто не хотелось ежиться, усаживаясь голой задницей на холодный стул.

Рита как раз нарезала колбаску, когда зазвонил телефон – не обычный радик, а солидный аппарат, защищенный не хуже «вертушек».

– Нашли время! – недовольно заворчала девушка.

– Алё! – я тоже не был преисполнен добрых чувств.

– Привет! – вымолвила трубка. – Не разбудил?

- Паха? Вот это ничего себе! Привет! А ты откуда?
- Из космоса! – деланно засмеялся Почтарь. – Да мы, вот, только пристыковались. М-м... Я человек не слишком любопытный, просто слышал тогда, на Байконуре... В общем, я понял так, что ты не только физикой времени занимаешься, но и физикой пространства?
- Ну-у, типа того, – я напрягся. – А что случилось хоть?
- Да понимаешь... Тут такое дело... В общем, часа два назад мы летели над Северным Ледовитым, по полярной. Всё, вышли на монтажную орбиту – крутанемся виток, и на стыковку. И тут – вспышка! Далеко впереди, как взрыв! Заметь, никого вокруг, мы одни, и вдруг видим – в той самой точке, где пыхнуло, летит шаттл «Атлантис»!
- Интересненько... – у меня по коже промаршировали мурашки, и волосы на загривке вздыбились.
- Ну! – энергично воскликнул Пашка. – А потом еще интереснее! Опять вспышка – и нету «Атлантиса»! Исчез! Заметь, локатор мигом засек шаттл, когда тот появился...
- Паха, – сказал я серьезно, – мне не нужно доказывать, что ваш экипаж не страдает галлюцинациями.
- Потому и звоню тебе... – забормотал Почтарь. – Так... Слушай, если корабль «прокалывает» пространство, в точке входа... или выхода... должна же быть вспышка?
- Должна, Паха, должна... – я озабоченно закусил губу. – Инверсия же. Инверсное излучение. Вот что... Я займусь этим «Атлантисом», а ты пока... Ничего и никому. Понял?
- Понял, – серьезно ответил космонавт. – И... спасибо. Полегчало. Привет твоей!
- В трубке задолбили гудки.
- Кто звонил? – полюбопытствовала Рита из кухни, аппетитно хрустя огурчиком.
- Павел, из космоса... – проинформировал я, заходя. – У них там свое время. Тебе привет передавал.
- А-а... Ну, всё. Давай кушать!
- Я молча стянул футболку. Девушка мило покраснела.
- Неугомонный... – нежно проворковала она, и развязала пояс халатика.

*Суббота, 18 февраля. День
Восточный Судан, Суакин*

Гирин первое время блуждал по «Риге» – уж слишком велик авианосец. В одной надстройке – восемь ярусов, а вообще – семь палуб, и громадный ангар между второй и пятой, сто пятьдесят метров на двадцать шесть. В пургу все сходились на построение именно в ангар, а ныне там тесно – ТАВКР принял на борт ровно сорок «Су-27К».

Так что на «Риге» надо год-другой прослужить, прожить, чтобы вызнать все тутошние закоулки. Но флотские вывернулись-таки.

Для удобства весь корабль поделили на «схода», от первого до пятьдесят третьего. Ивану эта доморощенная система была знакома, ее еще на «Минске» придумали – все трапы, кроме тех, что на «острове», пронумеровали, при этом пролеты, расположенные друг над другом, несут одинаковые номера – четные по левому борту, нечетные – по правому.

Надо тебе послать матроса-новичка... Ну, скажем, в командный пункт связи. Вызываешь, и говоришь: «Ступай на семнадцатый сход, четвертая палуба, в КПС». И всё!

Интересно, что самыми сообразительными оказывались чеченцы или дагестанцы – у горцев служба в почете...

Старший лейтенант усмехнулся своему отражению. Капитан 2-го ранга Яковлев, командир родимой БЧ-7, посмеивался сперва, наблюдая за попытками Ивана «перевоспитать» новобранцев, внушить им, что служба на флоте не печальная судьба, а везенье. Даже прохажи-

вался ехидно, дразня «политруком». Однако притих, стоило пятерым матросам запроситься на сверхсрочную – и молча пожал Гирину руку.

А старлей никаким Макаренко не был, просто вспоминал собственное житие, да зажига-тельные, увлеченные речи Якушева. Иван до сих пор верно не определил, какие же отношения их связывали – доброго знакомства или настоящей дружбы.

Когда же это они виделись в крайний раз? Лет восемь назад, на борту «Минска»...

Гирин придирчиво осмотрел себя, и успокоенно кивнул – «тропичка» выглажена и хорошо сидит.

Захлопнув дверь, он улыбнулся своим мыслям. В громадности ТАВКРа есть и большой плюс – вот эта вот одноместная каюта на второй палубе. Иллюминатор, естественно, моряцкой жилплощади не положен, но кондиционер исправно надувает прохладу. А что еще нужно для счастья в Красном море?

Старлей энергично зашагал в офицерскую столовую. Особых отличий от рабочей столовки, чистенькой и пропахшей борщами да сдобами, не наблюдалось, хотя кормили вкусно. Обед давно прошел, вся посуда перемыта, и команда коков потихоньку готовит ужин, но где еще соберешь полтора человека, чтобы провести политинформацию? Говорят, какой-то чин пожаловал из Минобороны, будет разъяснять политику партии по ситуации в Судане...

Время было, и Гирин поднялся на полетную палубу.

Авианосец стоял на «бочке», напротив острова Суакин. Сюда от моря вела длинная бухта, поперечником в милю. В былые времена тут шумели базары и надувались паруса, но Порт-Судан переманил купцов. Теперь застройка на овальном острове, выложенная из коралла, превратилась в город-призрак. Никого вообще!

Лишь клочки цепкой зелени оживляли безрадостные пустынные тона вокруг. Зато квартирерам новой базы флота – лафа! Никто не путается под ногами, не вопит, требуя бакшиш.

Плавучая казарма уже отражается в воде у старинных пирсов, рычат бульдозеры, взрывает экскаватор, нагружая блекло-оранжевые «КамАЗы» – в масть руинам...

...У остроносых истребителей копошились техники, а пара летунов стояла в сторонке, поглядывая в белесое небо.

– Юран, здорово! – Гирин крепко пожал по-девичьи изящную руку пилота. – В поход собрался? Володь, привет.

– Дык, елы-палы! – выразился чубатый летчик. – Пора бы уж.

Его товарищ, надевая темные очки, ухмыльнулся:

– Ждем, пока ваш аэродром с места сдвинется!

– Но-но-но! – Иван возвысил голос в стиле кота Матроскина. – Нашу «Ригу» попрошу не обижать!

Воздух понемногу наполнялся дальним свистящим ревом, и над крейсером промахнуло звено «сто сорок первых» – ТАВКР «Баку» рассекал море между Суакином и Порт-Суданом. «Яки» красиво разошлись, выстраиваясь в очередь на посадку.

Басистый гудок перекрыл удалявшийся вой – «Рига» выходила на большую воду. Незаметно струнулись аркады и колонны на острове-заброшке, и Гирин поспешил в столовую.

Зал ее заполнился наполовину. Товарищи офицеры азартно сдвигали столики, с грохотом расставляли стулья, а у линии раздачи ходил взад-вперед смутно знакомый человек в белом. Якушев!

«Поседел-то как...», – мелькнуло у Ивана.

– Товарищ контр-адмирал, – с улыбкой заговорил он, – разрешите обратиться...

– Гирин! – охнул политработник, мигом оживляясь. – Старлей? Ну, молодчина! Так держать!

– Ну, и вы не совсем замполит...

Якушев довольно хохотнул.

– Да-а! Заместитель командующего Черноморским флотом по военно-политической работе! Как ты говаривал? Не хухры-мухры!

Оба рассмеялись, довольные встречей.

– Ну, давай, еще пересечемся! – замполит согнал с губ улыбку, и повысил голос: – Товарищи офицеры! Охотно верю, что боевая и политическая подготовка у вас на высоте, но все же прошу меня выслушать. Есть нюансы, которые в программе «Время» не освещаются... – он взял доходчивый лекторский тон. – Начнем, пожалуй, с Дарфура – это запад Судана. Тамашние негры-земледельцы всячески угнетаются суданскими арабами-кочевниками, считающими черных унтерменшами, а себя, так сказать, истинными арийцами. Именно на эту «высшую расу» и опирается суданский диктатор Джафар Нимейри. Четыре года назад фельдмаршал Абдель Рахман Сивар ад-Дагаб пытался свергнуть тирана, но тому помогли египтяне, поддержанные американцами. И Нимейри усидел. Что интересно, и Южному Судану, и Дарфуру давным-давно обещали автономию, но чернокожие так ее и не дождались. Тогда Южный Судан взбунтовался, и вот уже более десяти лет живет-поживает, да добра наживает в союзе с Эфиопией, Эритреей, Сомали и Йеменом. Вот и у Дарфура терпение лопнуло. Да и было, отчего. Власти задействовали карательные отряды арабов «Джанджавид» – в переводе «Дьяволы на конях», и те вырезали негритянских селян, грабили, насиловали, сковывали черных цепями, а затем сжигали. И негры подняли восстание! Тем более, что Дарфур граничит с Восточной Федерацией в районе Южного Судана...

По столовой разошелся довольный ропот понимания.

– Но трагедию и подвиг Дарфура я привел лишь в качестве примера, – громко сказал Якушев. – Разумеется, Советский Союз оказывал помощь повстанцам, но не напрямую, а через Израиль и Эфиопию. Можно быть уверенными, что после присоединения Дарфура к Вэ-Эф, наши спецзадачи займутся прокладкой нефтепровода оттуда к портам на Красном море. В планах также нефтеперерабатывающий завод в Кассале, но пока этот город – территория Судана. Пока! Дело в том, что сразу в трех восточных штатах Судана успешно партизанили воины из племени беджа. Ситуация та же, что и в Дарфуре – арабы дискриминируют местных, грабят, устраивают настоящий геноцид! Эфиопы, эритрейцы, йеменцы помогают повстанцам провизией и оружием, боеприпасами и лекарствами. Если же мы поддержим их справедливую борьбу с воздуха, то успех гарантирован. Причем с минимальными потерями для обеих сторон...

– Фашистов не жалко! – крикнули из офицерских рядов.

– Согласен! – воскликнул Якушев. – Но не все же отморозки!

Гири́н заметил, что повара столпились за никелированными стойками, жадно внимая замполиту.

– А Нимейри? – послышался одинокий голос.

– А Нимейри вертится, как уж на сковороде! – подхватил контр-адмирал. – На прошлой неделе он вылетел в Каир. Был слух, что Джафар Мухаммедович бежал, но нет – идут переговоры. Хосни Мубарак, египетский президент, склоняет Нимейри к объединению своих стран в федеративную республику. Понятно, что Египет обеспокоен ростом влияния Восточной Федерации, и не прочь наложить лапу на Судан, чего даже фараоны добиться не смогли. К тому же, Мубарака и Нимейри пугает еще один фактор – Белый и Голубой Нил находятся на землях Вэ-Эф, и обе реки мало-помалу перегораживаются плотинами ГЭС. Стоит «восточникам» перекрыть притоки Нила, как Судан с Египтом постигнет безводье, а, значит, и страшный голод...

– А пусть не лезут! – крикнул кок, воинственно взмахивая поварешкой.

– Согласен! – заулыбался Якушев. – Интересно, что к переговорам подключился Вашингтон – президент Картер заманивает правителей Судана и Египта к себе в Кэмп-Дэвид, чтобы втроем заключить союз между Каиром и Хартумом. Американцы окажут обоим щедрую помощь, а заодно создадут военные базы – для противодействия «советской экспансии»...

Знаете, товарищи, мне кажется, что самое показательное во всем этом – стремительное расширение границ Восточной Федерации и ее ускоренное развитие. Развитие самых нищих территорий Африки и Ближнего Востока, которых колонизаторы сначала нещадно грабили, а затем бессовестно обманывали, устраивая междоусобицы! Конечно, Запад не успокоится, продолжит пакостить, но на то здесь и мы. Вопросы есть?

* * *

Из душноватой столовой Гирин вернулся на палубу. «Рига» шла морем, а вход в гавань Суакина терялся в дымке. ТАВКР помалу наращивал ход, машины выдавали узлов двадцать или больше – для взлета достаточно.

Гремя двигунами, сорвался с места истребитель. Легко пробежав, «сушка» взлетела с трамплина, окунаясь в небо. За нею вторая, третья, четвертая...

Самолеты закладывали вираж, и уносились на запад – отвоевывать собственный взгляд на историю, на жизнь, на справедливость.

Глава 4.

Воскресенье, 19 февраля. День

Околоземная орбита, ДОС «Салют-8»

Проснувшись, Почтарь увидел собственные руки, висящие перед лицом, словно вот-вот вцепятся в щеки. Так уж скроены наши мышцы.

Павел протер глаза, с усмешкой вспоминая, как впервые углядел этот фокус невесомости. Спросонья дернулся от испуга...

Потянувшись, позевав, он решительно отстегнул ремни, и «встал».

Почтарю «постелили» в среднем базовом блоке, самом широком – шестнадцать метров поперек (под него использовали дооснащенную вторую ступень «Рассвета»). Несколько «гостевых» спален-капсул смыкались по вогнутому борту на манер газыря. Залез внутрь, задернул пластметалловую шторку – и ты в домике.

Даже голоса проплывавших мимо не мешали поживать, сливаясь с вечным фоном – тишайшим шелестом вентиляции и надоедливый писк индикаторов.

Ну, по крайней мере, у сна на орбите есть один несомненный бонус – тут ничего не отлежишь. Спишь, как ангел на облачке.

С «утра» Павел посетил ближайший санитарный отсек, лихо разобрался с новой моделью мочеприемника, и отправился в здешний «садик» – так местные называли переходный модуль между средним и нижним базовыми блоками.

В самом деле, приятное местечко – слева и справа тарацились в космос обзорные купола, похожие на фасеточные глазищи, выпученные наружу. Их трапециевидные и круглые иллюминаторы толщиной в кирпич, отлитые из прозрачного кварца, распахивали воистину космический простор, а «ботаны», хозяйничающие в биотехнологическом модуле, «высадили» целую аллею из березок и кленов. Чахлые саженцы живо укоренились в гидропонных емкостях, но быстро утратили стройность – тонкие стволы переродились в ползучие лозы, оплетшие стенные панели отсека. Листочки распускались мелкие, зато часто, переливаясь глянцевыми блестками.

Любуясь сияющей лазурью планеты, Павел втянул ноздрями терпкий запах листвы. Чем не «Сокольники»?

Однако культурно отдохнуть на природе Почтарю не дали – экран информатора проснулся, и заговорил человеческим голосом:

– Летчика-космонавта Павла Почтаря просят явиться в Центральный пост управления. Нижний базовый блок, служебный модуль-три.

«Там меня еще не носило», – мелькнуло у летчика-космонавта, и он мягко оттолкнулся, чтобы впорхнуть в нижний блок, облюбованный ученой братией – к базовому пристыковали восемь исследовательских и лабораторных модулей. Стая ученых в чистеньких белых комбинезонах, аки херувимы вились между пультов, экранов и табло, ожесточенно споря на лету. Лишь двое усердно крутили педали велотренажеров, приделанных к условному потолку.

Все блоки, раз уж конструкторы выставили их стоймя, делились на ярусы-этажи, чтобы запихать побольше оборудования. Лишь по центру круглых палуб зияли люки – станционные аборигены ныряли в них или выныривали. Что интересно, ни разу не треснувшись лбами.

Третий служебный модуль Почтарь обнаружил в самом низу, рядом с доком. Полупрозрачные дверцы со строгой надписью «ЦПУ» подчинились его рукам, и бесшумно разъехались. Паха вплыл в цилиндрический объем, размером с рабочий отсек «Алмаза», и завертел головой. Дежурные реяли над пультами или висели вверху, пристегнутые, и бубнили, взглядывая на экраны портативных микроЭВМ – на Западе их звали ноутбуками:

– Дмитро, дуй в двигательный отсек, будем поднимать станцию на километр...

– А кто знает? Ирина, это же не шуточки! А если крошки залетят кому-нибудь в легкие? Нормально?

– Тенин, готовь вакуум-сварщика. Герметичный стыковочный переходник Б-2 на орбитальном доке³ пропускает. Давай... Да! И глянь еще объединенный шлюзовой отсек.

– О-Ка «Байкал», два точка ноль один, погрузка завершена. Объявляется часовая готовность...

– Герман Степанович, Москва вызывает!

– Переключи на меня, – спокойно ответил Титов, всплывая и придерживая наушники одной рукой. – Начальник станции слушает. Да, Георгий Тимофеевич, все «семеро богатырей», хе-хе... Стажируются! Энтузиасты, мать их ети... Ну, куда ж без этого... Да их наставник застрашал! Первое предупреждение, говорит, оно же последнее, а следующего раза не будет – отправлю на Землю. Как шелковые стали! Ага... О, нет! Това-ариц Береговой... Так вы тоже меня поймите! Это моя вторая экспедиция – и последняя. Уж лучше вы к нам, хе-хе... – заканчивая разговор, он приветливо кивал Почтарю. Легонько оттолкнувшись пальцами, плавно подлетел и протянул руку. – Павел... Э-э... Простите, не знаю вашего отчества.

– Да просто Павел, – смутился космонавт. – Чего уж там...

Перед ним висел человек-легенда, по жребью оказавшийся в тени Гагарина. Пожав пятерню Титову, Паша заодно погасил инерцию его «полета».

– Ну, тогда здравствуйте, Павел! – начальник «Салюта» уцепился за поручень, мельком глянув на дежурных, и ухмыльнулся. – К сожалению, отдельного кабинета у меня нет... Если не считать спальное место в модуле проживания! – Он посерьезнел. – Вчера на лунной базе случилось ЧП – пропали техник и специалист из НАСА. Джозеф Гарфилд работал на «Звезде» по обмену. Поиски прекращены – запас кислорода закончился у обоих. Кое-какими мыслями по этому поводу я поделюсь позже, а пока... Вы не могли бы поработать на базе за техника? Хотя бы временно?

Сердце у Почтаря заколотилось, а губы повело в широкую улыбку. Сдерживая ликование, чтобы не посчитали совсем уж бесчувственным, он сказал:

– Когда Кубасов гулял по Луне, я скучал на ТМК. И страшно завидовал Николаичу! Так что... Конечно, мог бы! Только... Опыта у меня как бы и нет.

– Пустое! – отмахнулся Титов с облегчением. – База мало чем отличается от корабля, а техник – от бортинженера. Проблемы те же – кислород и давление, тепло, антирадиационная

³ Орбитальный док весом в 90 тонн планировался для станции «Мир-2».

безопасность, энергия, связь... Справитесь. И... Я ведь не зря вызвал именно вас, Павел. В случае с «Атлантисом» вы нашли оптимальное решение! Знакомы с Михаилом Гариным?

– Одноклассник мой, – смутился Почтарь.

Титов серьезно покивал.

– Если честно, – признался он с кривоватой усмешкой, – я сам только сегодня узнал много всего интересного. Про физику пространства, про параллельный мир... Просветили с Земли. Мы в этих делах, с бета-пространством, ведем, американцы догоняют. А ваш друг, Павел, уже всех на уши поставил – и Минобороны, и КГБ... Старт «Атлантиса» был секретным, о нем не сообщали. Аналитики из Комитета уверены, что шаттл переходил в «Бету», от того и вспышки. Похоже, «Атлантис» запустили в разведывательных целях. Его экипаж собирал сведения об этом... м-м... Сопределье – записывал тамошние телепередачи, слушал радио, снимал... И до меня лишь сегодня стало доходить. Смотрите!

Титов всплыл, шлепая ладонью по большой фотографии лунной поверхности – кратеры рябили на ней, как лужа под дождем.

– Вот база «Звезда». Здесь вот, рядом – каньон Хэдли Рилл, где добывают ископаемый лед. Адская смесь! Вода, углекислый газ, метан, аммиак... А чуть дальше – не слишком большой безымянный цирк. Присмотритесь... Видите? Он будто паутиной заткан! Это радиусы и кольца УМП, уложенные в его чаше. УМП – значит «улавливатель межпространственных полей»... – Титов усмехнулся. – Ну, ваш одноклассник лучше в этом разбирается! Мне только известно, что Луна – самое удобное место, она всегда обращена к Земле одной и той же стороной, и никаких помех. Сиди и наблюдай за всеми этими совмещенными пространствами. Вот я и подумал, а не связана ли гибель тех двоих с МП-локацией? Из НАСА ли был пропавший штатовец? Или из ЦРУ? Я понимаю, засылать шпиона аж на Луну – это низкопробная голливудщина, но жизнь порой такие сюжетики подкидывает, что куда тому кино! В общем... – он отчетливо смутился. – Меня председатель КГБ убедительно просил уговорить вас... Просто чекисты не в состоянии отправить сотрудника на «Звезду», а вот, если... Тем более, что вы, хоть случаем, хоть краем, но посвящены во все эти пространственно-временные секреты...

С мелким удовольствием досмотрев, как космонавт номер два барахтается в затруднениях, Паха весело рассмеялся.

– Да согласен я! – воскликнул он. – Только кого там ловить и выслеживать? Вы же сами сказали, что американец пропал без вести.

– Так они уже другого прислали! – фыркнул начальник станции, одновременно радуясь и винясь. – На «Челленджере»! В общем... К-хм... Ваша тайная миссия начнется ровно через неделю. А сегодня... – он задумался. – Так... Я скажу, чтобы освободили второй или третий модуль снабжения. Запретесь там, и уже без свидетелей потолкуете с комитетчиками. Вопросы есть?

– Вопросов нет, товарищ генерал-полковник! – отчеканил Почтарь.

«Но будут, – подумал он. – Потом...»

Понедельник, 20 февраля. Утро

Московская область, Шереметьево

Пепельная хмарь с ночи копилась над головой, затаривая небеса. Ранняя весна спозаранку...

Алое солнце, вскатываясь в зенит, будто растворилось в тучах – зоревые лучи угасали в грязно-белесых клубках, помалу набирающих угрюмой синевы. Нервные порывы ветра дышали промозглой влагой, однако хляби так и не разверзлись.

Натужные хлопья мокрого снега испятнали бетонные плиты аэропорта, да оставили косые росчерки на стеклах прозрачных стен. Вот и все осадки.

Выдохлись кумулюсы, и будто застеснялись своей немощи – расплылись тихонечко, уступая место солнечной ясности.

– Погода шепчет, – улыбнулся я, тиская Риту.

– Пап! Па-ап! – возбужденно подпрыгивала Юлька. – Мы на настоящем самолете полетим?

– Полетите, – заверил я чадо.

– А ты? – карие глазенки захлопали чудными ресницами. – Ты один, что ли, останешься? Без нас?

– Я потом к вам... Приплыву! Будете ждать?

– Ну, конечно! – возрадовалась доча. – Да, мам?

– Да, – Рита с улыбкой притянула к себе девочку, изнывавшую от впечатлений.

– И ты со своей? – прозвенел за спиной смеющийся голос Инны.

Я обернулся. Молодая женщина в элегантном пальто стряхивала с волос растаявшие снежинки, держа сына за руку. Подросший Васенок покраснел, и его ладонь растаяла с маминой.

– Здравствуйте, – сказал он мужественным голосом. Ну, так ему казалось...

– Привет, – улыбнулся я, и подумал: «В пятом классе уже...»

Мне было сложно рассудить, какие отношения нас связывают. Что за нити между мной и сыном нужно протягивать, а о каких лучше умолчать?

– А-а, и ты тоже? – рассмеялась Рита, оживленно блестя глазами. – В одну школу будете ходить! Да, Вася?

Мальчик стеснительно кивнул красивой тете.

– Ты тогда проследи, чтобы Юлю не обижали! Ладно?

– Ладно!

Сощурившись, я осмотрелся. Боярский, Видов, Крамаров стояли в сторонке, окруженные галдящей толпой, и раздавали автографы. Проклова шушукалась с Аней Самохиной и Наташей Гусевой, а многочисленная съёмочная группа всё подкатывала и подкатывала огромные чемоданы, сумищи, кофры...

С изяществом циркуля стремительно прошагал Гайдай, сражаясь с ярко-красной «алаяской». Он то ли натягивал ее, то ли пытался снять.

– Миша, приветствую!

Я с почтением пожал правую костлявую кисть нашего классика.

– Здравствуйте, Леонид Иович.

– Ваша бесценная супруга – настоящий клад! – стал уверять меня режиссер, отчаявшись попасть левой конечностью в зловредный рукав. – Мало того, что Рита прирожденная актриса, спортсменка, комсомолка и просто красивая женщина, она еще и муза! Весь фильм теперь станет другим!

– Ну-ка, ну-ка! – заинтересовался я, поглядывая на музу, чьи щеки замечывались румянцем.

– Во-первых, ее героиня больше не Лида Арькова, – горячо толковал Гайдай, – а Лита Сегаль!

– Да это мою однокурсницу так звали, – робко вмешалась Рита, – она откуда-то из Белоруссии...

– Главное, что звучит! – воскликнул Леонид Иович, и произнес, словно пробуя на вкус: – «Лита Сегаль, расхитительница гробниц!»! Каково?!

– Это не я, – зарумянилась девушка, – это Мишина идея...

Мне сразу пришел на ум давний пересказ голливудской картины про Лару Крофт, еще не снятой в этом времени. Надо же, запомнила...

– Снимайте скорее! – широко улыбнулся я. – Хочется же посмотреть!

– Осенью, Миша! – хохотнул Гайдай. – Осенью!

Бархатно ударил гонг, и чувственный женский голос разнесся по гулкому залу:
– Объявляется посадка на рейс номер триста тридцать три «Аэрофлота» Москва – Шеннон – Гандер – Гавана. Пассажиров просим пройти к терминалу номер два...

– Товарищи! – возопил режиссер. – На посадку! Паспорта, билеты...

И актеры шумною толпой двинулись за Гайдаем.

Наскоро потискав Юльку, я сунул Рите в карман энную сумму в долларах, журча:

– Будете по два часа скучать в Ирландии и Канаде, так хоть пирожочком угоститесь...

Гамбургерчиком...

Бесценная супруга ошупала купюры, и сделала большие глаза.

– Ну, ничего себе – пирожочком!

– Пригодится в хозяйстве!

Рита с чувством меня поцеловала, а Юлька никак не могла дотянуться. Пришлось самому наклоняться к подставленным губкам.

– Чмоки-чмоки, папусечка! – запищала девочка, и обе красавицы поспешили вдогонку за киношниками. Секунда – и все перетасовались.

Проклова с Видовой что-то с жаром внушали Рите, Самохина сюсюкала с Юлей, но тут мой сын взял сестричку за руку, и та не стала вырываться.

А я глядел им вслед, и грустил. Бывает со мной такое, накатит иногда печаль. Что толку изучать время, когда нет сил замедлить его беспощадный бег? Вот, уже тридцатник разменял...

Хотя, мне ли жаловаться? Что ни говори, а моя «новая» жизнь удалась – яркая, временами бурная, переполненная событиями, подчас странными и удивительными. Чего тебе еще, старче?

Мои губы искривились усмешкой. Житие далось мне дважды, но как же иногда хочется, чтобы трижды! Смешные эти попаданцы... Угодят в свою юность, и радуются – о, сейчас мы все глупые ошибки исправим! А толку?

Вот, вроде переписал я свою биографию, учел все промахи... И тут же допустил новые! Меня, например, до сих пор точит произошедшее с отцом. Устал уже убеждать совесть, что невиноватый я! А она все равно грызет...

Неудивительно, что достает порой слабовольное мечтанье – дожить бы до две тыщи восемнадцатого, встретить бы снова Лену с Наташей... Пусть бы еще разочек закинули в прошлое!

Заломив уголок рта в злой иронии, я медленно приблизился к прозрачной стене – белые авиалайнеры медленно катились под гул турбин – горячий воздух дрожал и свертывался за оперением.

Белоснежный «Ил-86», готовый улететь на Остров Свободы, еще цеплялся за телетрап-гармошку. Моим девчонкам не увидеть любезного их сердцам «папусечку», но я все равно дождусь улета.

И развалился на диванчике.

Я не знал, что мне делать, как быть с Васенком. Встречались мы очень редко, но всякий раз я чувствовал – мальчик рад мне. Однако раскрывать тайну его рождения было нельзя. И что тогда? Ждать?

А вот на Инну я обиды не держал вовсе. Она дала мне всё, что мне хотелось. Да, всего лишь однажды, но такой вулканической пылкости, такого накала страсти я не испытывал ни до, ни после. «Хорошистка» будто искупала свой обман амурной разнузданностью. В те тающие минуты она любила меня до безумия, меня одного, а прочий мир не существовал вовсе.

Можно ли винить ее за тогдашний порыв? Но вот свою вину я ощущаю все отчетливей...

Февраль скоро истает. Отплываем мы марта десятого. Будем изображать обычный сухогруз компании «Юниверсал экспортс», следующий под либерийским флагом. Из Ленинграда

в Роттердам доставим партию магнитофонов с нашего «Точмаша». В Роттердаме загрузимся какими-то приборами для завода «Карибсталь», и почапаем в Сантьяго-де-Куба. Свидимся...

Я упруго поднялся. «Ил-86» вырুল, и катил по «взлетке», ускоряясь... Оторвался от земли... Убрал шасси, словно лапы поджал... Потянул наискосок, набирая высоту, догоняя пыльное кучевое облако... Канул в «кучу».

*Тот же день, позже
Щелково, улица Парковая*

Въехав на Центральную, я подчинился капризу, и свернул к Парковой. Ни разу сюда не заглядывал, да и зачем? Высотки, где я заселился в «прошлом будущем», еще не существовало в проекте, на ее месте стояли старые двухэтажные дома.

Что за фантазии меня сюда привели? Или правду пишут в детективах – «редиску» влечет на место преступления?

Как ни крути, а злодеяние я совершил-таки – изменил реальность. Стало лучше? Безопасней? Справедливей? А это кому как. Теперь отпрыску богатенького папашки, бандита из «лихих девяностых», уже не подкупить избирателей, чтобы те посадили мажора в Госдуму. Зато хорошенькая выпускница не станет «путаной», то есть шлюхой, а поедет на ударную комсомольскую, где влюбится в простого, работающего парня, и всё у них будет хорошо...

Действительность весьма относительна и условна. Нельзя добиться блага, не причинив кому-то зла. А соблюдать баланс, знать меру... Сие не в воле человеческой.

Я припарковал «Волгу» возле магазина-«стекляшки» на Зубеева. Мне он помнился, как «Пятерочка», а ныне тут обычный «Гастроном».

Покупателей было мало, и я не спеша прогулялся по торговым площадям, отыскивая и не находя знакомых примет. Все течет, все изменяется...

Сгорбленная старушка в смешной шапочке набивала пакет желтыми бананами, а ее бойкая внучка взвешивала сосиски. Широкоплечий колхозник, выпустивший шикарный чуб из-под ушанки, с подозрением нюхал горлышко бутылки с «Кока-колой». Видать, опасался, что покроется родимыми пятнами капитализма, ежели сделает глоток...

Подумав, что ностальгировать по несбывшемуся, как минимум, странно, я решил позаботиться о бренном существовании. Взял грамм триста окорока и баночку «Нескафе». Хлеб дома был, и кошачьего корма еще целая упаковка. Проживем.

И, уже став в очередь к кассе, понял, что кофе – это зря. Ведь Рита лишь летом вернется...
«Ай, ладно! – махнул я мысленно рукой. – Запас карман не тянет!»

Моим вниманием завладели большие электронные часы над выходом. Зеленые цифры складывались в «11.40» и вдруг, незаметно для глаза, сменились на «11.41».

Будущее накатывало из туманных далей Вечности, окунало в себя этот мир, и тащило его дальше, ко временам, чья история еще не была написана.

«Напишем! – пообещал я себе. – Только бы без помарок...»

*Четверг, 2 марта. День по БВ
Луна, Море Дождей, база «Звезда»*

– Кто заказывал такси на Дубровку? – весело грянул Крикалев, вplывая в обитаемый отсек. – Выметайтесь! Только сначала груз перетаскаете, товарищи пассажиры!

– Вот, наглые, – ухмыльнулся Почтарь, с трудом отрываясь от иллюминатора – проползавшая внизу Луна завораживала. – А экипаж на что?

– А вы безбилетники! – крикнул Джанибеков из командного отсека.

– Вот так, Гас, – вздохнул Павел, – угнетают «зайцев», как хотят...

Квадратное лицо американца перетянуло слабой улыбкой непонимания.

– Sorry, Paul... – прогудел он. – Гнуть, угнетать – понимаю. Заяцы – не понимаю!

– «Зайцами» у нас прозывают тех, кто ездит без билета. Understand?

– Oh, yes!

– Sam on тогда... – Почтарь «рыбкой» нырнул в грузовой отсек.

Перетаскать невесомые контейнеры в ЛК – лунный корабль, было несложно, «зайцы» даже не запыхались.

– Всё, пока!

– Bye-bye!

– Берегите уши, чтобы люком не прижало, хе-хе...

– Язва ты, Джанибеков!

– И еще какая!

«Элкашка» была очень тесной, а сиденье полагалось лишь пилоту – рулил кораблем Рюмин.

– О, какая встреча... – запыхтел Павел, кое-как поделив место с Гасом Рикрофтом, и еле дотянулся до протянутой руки пилота. – Привет, Викторыч! А говорили – ты на пенсии!

– Не дождутся! – хохотнул Валерий Викторович. – Возраст не помеха! Так, всё – расстыковка.

ЛК мягко толкнулся, отходя от «Зари-2». Рюмин бубнил в усик микрофона, держа связь с ТМК, а Почтарь вытягивал шею, заглядывая в иллюминатор. Пилот загоразивал лунные пейзажи, но кусочек зрелища все ж таки давался глазу.

...ДЛБ «Звезда»⁴ расположилась в Море Дождей, в местности под названием не особо сладкозвучным – Болото Гниения. С запада этот район прикрывали горы Архимеда, к северо-западу располагался кратер, посвященный славному жителю Сиракуз, а на севере стелился Залив Лунника, названный в честь «Луны-2».

Однако самым примечательным был восточный край Болота, вздыбленный гористым районом Аппенин. Именно там, рядом с кратером Хэдли С, и заложили долговременную лунную базу. Выбор места очевиден – вал кратера пересекала так называемая «борозда Хэдли» – извилистый каньон, с километр в поперечнике, и глубиной метров четыреста.

На дне «борозды» залегало настоящее сокровище – ископаемый кометный лед. В нем больше всего воды, немного угарного и углекислого газа, плюс аммиак, формальдегид, метан и метанол...

Все эти сведения выдал Рикрофт, как бы убеждая своего спутника: «Я точно селенолог! Really!»

– А в пяти километрах от каньона Хэдли Рилл – гора Хэдли Дельта, она выше земного Олимпа... Где-то там осталась посадочная ступень «Фэлкона», лунного модуля «Аполлона-15», – вдохновенно болтал он.

– Цыц! – любезно сказал Рюмин, прерывая лекцию. – Идем на посадку.

Он пригнулся, а Почтарь вытянул шею. В тишине только и слышно было, как свистят двигатели: «Ш-ш-ш-ш-ш...»

На темном «море», гладком издали, проступили неровности, расселины, воронки, кольца каменных обломков, кусков лавы или спекшегося реголита. И до чего ж приятно было увидеть среди этого дичайшего хаоса серебристые цилиндры, выложенные в форме кривой восьмерки.

Жесткое лунное солнце освещало базу косыми лучами, рождая слепящий блеск и крошечные тени.

– It's beautiful! – выдохнул Гас.

Павел задумчиво глянул на спутника.

⁴ В РИ долговременную лунную базу «Звезда» планировалось развернуть в течение 80-х годов.

«Может, он все-таки из НАСА?» – подумал он.

Шуршащий свист двигателей усилился, огрубев до зуда, и «элкашка» сотряслась. За иллюминатором взвихрилась пыль.

– Контакт!

Почтарь разом повеселел.

– База, прием! – сказал Рюмин обычным голосом. – Мы сели.

Понедельник, 6 марта. День

Москва, площадь Дзержинского

Где я только не встречался с чекистами, но в это монументальное здание угодил впервые. Особенного трепета не ощущалось, разве что история подавлявала чуток, наполняя длинные коридоры тенями Феликса Эдмундовича или Лаврентия Павловича.

Дежурный офицер кивнул мне, и открыл дверь. За порогом распахивался просторный кабинет, отделанный деревянными панелями. Мартовское солнце светило не по чину ярко, и темные шторы шоколадного оттенка пригашивали несанкционированное сияние. Но не мой шальный настрой.

– Товарищ председатель Комитета государственной безопасности СССР! – отбарабанил я. – Заместитель директора научно-исследовательского института Времени явился по вашему приказанию!

– Шутим?

Иванов легко поднялся из-за стола, и шагнул мне навстречу. Давненько я его не видал, но генерал армии ничуть не изменился – всё такой же простецкий с виду, бодрый, энергичный, мягкий снаружи, твердый внутри.

– Здравствуйте, Миша!

– Здравия желаю, Борис Семенович... Простите, это я по инерции.

С негромким смешком Иванов пригласил меня за небольшой столик.

– Сядем рядком, поговорим ладком... Не то, чтобы вопросы накопились... Просто хочу навести порядок в мыслях. С «Атлантисом» мы малость разобрались. Похоже, шаттл действительно шпионил в бета-мире... Но меня больше интересует иное ЧП, на Луне...

Я нахмурился.

– Не понял... Что-то с улавливателем?

– Хуже. Двое из персонала базы «Звезда» пропали без вести – исследователь из Штатов Джо Гарфилд и ваш сотрудник. Роман Почкин.

Эта новость заставила меня похолодеть и тоскливо напрячься. Ромка не числился в моих друзьях, будучи самим по себе – реял на втором плане, но он все равно оставался товарищем. Без малого десять лет мы с ним толклись на одном пяточке, с пристрастием допрашивая природу. Нам есть, что вспомнить.

– Пропасть на Луне... – вытолкнул я. – Это гибель, Борис Семенович.

Генерал досадливо крякнул.

– Возможно, вы правы, Миша, и я рассуждаю слишком уж по-земному... Но по-прежнему повторяю присказку, что ходит в уголовном розыске: «Нет тела – нет дела». Понимаю, что выгляжу по-детски упрямым, но уж такой я закоренелый оптимист! Наш человек сейчас на лунной базе, так что... Жду добрых вестей, несмотря ни на что.

– Ну, пусть хотя тела найдет, – мрачно вымолвил я.

Иванов понятливо увел разговор с траурной темы.

– А вы мне можете доступно объяснить, что, вообще, такое этот ваш улавливатель? Может, я тогда стану лучше понимать, с чего вдруг американцы так на него облизываются.

– Да там такая гонка была... – поморщился я. – Почти атомного проекта! Пока мою тему наглухо не засекретили, кое-какая информация утекла на Запад, и Фейнберг собрал хронокамеру в Колумбийском универе. Ну, это вы знаете... А Лит Боуэрс сделал еще один шаг, в сторону инверсии времени, и те же тахионы приоткрыли ему дверь в сопредельные пространства. Если судить по данным разведки, мы все же лидируем, с нашей-то хронокамерой четвертого поколения. Боуэрс завяз на втором. Та же картина с преобразователем пространства – выйти они могут только в «бету» или «гамму», причем с вероятностью в шестьдесят с чем-то процентов, смотря как четырехмерные МП... межпространственные поля «лягут». Вот как раз с ними-то основная морока... Представьте себе, что «альфа» и «бета» двумерны, и смыкаются на исчезающей линии границы, как положительные и отрицательные цифры – на нуле. Трехмерные структуры соприкоснутся гранями, а совмещенные поля многомерных пространств соседствуют по всему объему. Недаром Колмогоров предлагает называть М-поля «нуль-пространством». Представить его невозможно, разве что хорошему математику, вроде Андрея Николаевича, но именно так выглядит наше мироздание. А что касается улавливателя... Он выстроен по схеме Крапивина – это антенная полусфера из металлических колец и радиусов, собранных в чаше кратера. По радиальным дугам челночат тележки с тахионными детекторами, которые – цитирую первых межпространственников: «улавливают пространственные связи и конфигурации, которые мгновенно и без системы возникают в точках совмещения четырехмерных полей». А совмещенные поля, по официальной теории МП, излучают сигналы независимо от трехмерных координат. Поэтому вращать улавливатель, как обычный радар, не нужно – лежит себе в кратере, и пускай лежит. – Я помолчал, ворочая тяжелые мысли. – Так мы нащупали гамма-пространство, дельту и эпсилон. Они тоже сопредельны нашей «альфе». Ну... изучаем. Пока в улавливателе шесть радиусов. Выложим еще столько же, запустим новые детекторы – информации поступит больше, и будет она точнее и полней. Вот... Как-то так.

– Не хреново девки пляшут, по четыре сразу в ряд... – задумчиво проговорил Иванов, пальцем поправляя очки. – Ла-адно... И последнее, Михаил Петрович, – его голос построжел. – Товарищ президент гневаться изволил, и велел ваше участие в экспедиции сократить до минимума. Вам приказано не покидать судно ни при каких обстоятельствах, а в случае прямой внешней угрозы – немедленно осуществить переход из «Беты».

– Осуществим, – покладисто сказал я, и мило улыбнулся.

Глава 5.

*Среда, 8 марта. День
Луна, ДЛБ «Звезда»*

Женщин на базе было трое. Анна, она же Нюра, она же Анечка, миниатюрная шатенка, перекрасившаяся в блондинку, заведовала кухонным хозяйством, и мужское население уважительно числило ее в инженерах-гастрономах. Подлизывалось, короче, но безуспешно – к своим двадцати пяти Аня успела дважды выйти замуж и столько же раз развестись, отчего к сильному полу относилась с предубеждением.

А вот Татьяну Евгеньевну красавицей не назовешь, хотя женщина приятная. Трудилась она на поприще энергетики, весь день хлопоча, аки пчела – то солнечные батареи протирает, то реактору профилактику затеет, то на базовой подстанции красоту наводит.

Татьянин муж, геолог по профессии и призванию, каждый год пропадал в экспедициях, пока не «остепенился» – докторскую защитил. Теперь он корпел в институте, перелопачивая горы инфы, добытой в походах, и супруга ему «отомстила» – улетела на Луну, где «вахта» полгода длится...

А Ясмينا царствовала в медотсеке. Хирург божьей милостью, она и в терапии знала толк. Хрупкая, нежная – ангелица во плоти – Яся обладала натурой волевой и решительной, просто в последнюю пару недель глаза у нее на мокром месте...

Поговаривают, было у них что-то с Ромкой. И каково врачуине теперь?

У Почтаря даже пальцы на ногах поджались от неловкости. Горестная растерянность и упадок настроения угнетали весь персонал, но директор базы был тверд: «Отметим, как полагается!»

Торжественное собрание устроили в командном пункте. О том, чтобы чинно занять места, и речи не заходило – чай, не актовый зал. Усадили женщин, а мужчины поздравляли их стоя.

– А как правильно, – затруднился Рикрофт, – «С Восьмым мартом!» или «С Восьмым марта!»?

– Пиши проще – «С Восьмым!» – покровительственно хмыкнул Рюмин. – Леди поймут...

Прокашлявшись, Леонов, переодетый в «парадный» комбинезон, сказал с добродушной ворчливостью:

– Дорогие наши женщины! Всё понимаю, но и лишать вас праздника негоже. Давайте отметим день Восьмого марта без пышных фраз, без шуточек и музыки. Просто посидим... И выпьем!

Алексей Архипович ободряюще кивнул Павлу, и тот гордо выставил на откидной стол бутылку «Советского шампанского».

Женские бровки вскинулись в изумлении, а особи мужеска полу разом оживились.

– По половинке! – громко сказал Почтарь. – Чтобы каждому хватило.

Невесомые пластиковые стаканчики сошлись без звука.

– Ну, за дам! – обронил директор.

Павел потянулся своей мелкой посудой к Ясмине, но та отвела стакан, и тихонько сказала:

– Не чокаясь.

В ее голосе подрагивала такая боль, что у Почтаря даже дыхание сперло. Он медленно сделал два глотка, осушив тару, и негромко пообещал:

– Яся, я обязательно найду его, живого или мертвого.

Высохшие с утра глаза девушки влажно заблестели под слипшимися ресницами...

* * *

Леонов шагал впереди, ловко управляясь с малой силой тяжести. Он даже не шатался, лишь изредка касаясь пальцами вогнутой стенки. У Павла так не получалось, и земная привычка подводила – обычный шаг выглядел, как толчок. Подпрыгиваешь... на полсекунды заводишься... И вовсе не факт, что прилуннишься на ноги, а не на колени. Или вовсе выстелишься.

«Найти бы глыбу «нифе»,⁵ – мечтал Почтарь, – килограмм на пятьдесят! Таскал бы на спине, хоть человеком себя почувствовал...»

– Я заметил, вы удивились, Паша, когда встретили меня здесь, – сказал Алексей Архипович, не поворачивая головы.

– Да не-е... – промямлил Паха.

– Да ладно! – сказал директор базы, посмеиваясь. – Я и сам удивился, если честно. Береговой вызывает, и с ходу: «Пойдешь?» А я даже не раздумывал! Пойду, говорю! А я ж его зам, должность нервная... Думал, на Луне отдохну! Ага, отдохнешь тут...

⁵ Нифе – как бы природный сплав железа с никелем, из которого состоят железные метеориты. На Луне их предостаточно.

Пройдя тесный герметичный тамбур, они вошли в обитаемый блок и свернули налево от комнатухи оператора. Жилплощадь техник с директором делили на двоих – санузел общий, а спальный отсек отсекала пополам полупрозрачная панель. Тесно, зато приватно.

– В правом крыле «прописаны» Макаров с Севастьяновым, – глухо сказал Леонов из своего закутка. – Они отъехали на луноходе к Архимеду... Фамилии ни о чем не говорят?

– Да нет, вроде... – задумался Почтарь. – Космонавты...

– Молоде-ежь... – насмешливо затянул Леонов. – Я с Макаровым в одном экипаже числился, еще двадцать лет назад. Работали по лунно-посадочной программе! Не получилось у нас тогда, так хоть сейчас догоним и перегоним...⁶ Паша, смотрите.

Техник шагнул на соседскую половину, зеркально повторявшую его спальню – кроме узкого дивана, складного стула, выдвижного столика и полки, там висела роскошная картина кисти хозяина, изобразившего восход на Луне.

Полотно в тонкой раме висело над ложем, чуть ниже того места, где потолок дугообразно скашивался, следуя кривизне многослойной наружной стены.

Начальник базы, скрипя стулом, перебирал голубоватые листы кроков.

– Это всё, за что можно зацепиться. Рома сам набросал карту, весь маршрут до УМП. Вот так до Северного Комплекса, оставляя справа кратер Плутон... – Леонов провел пальцем по жирным линиям фломастера. – А тут – удобный съезд в каньон Хэдли, и вот так, по дну, во-от досюда. Тут, как раз напротив Южного Кластера, мы добываем лед... Увидите. Отсюда выезжаете... вот здесь, у горы Хэдли Дельта... и дальше по вешкам, до предгорий Апеннин. – Он внимательно посмотрел в глаза Павлу. – Готовы?

– Готов, – твердо ответил Почтарь, скрутив свои страхи.

Тот же день, позже

Луна, каньон Хэдли Рилл

Павел насмотрелся на черную безбрежность космоса, налюбовался видами с орбит, но Луна вблизи, под ногами, на расстоянии руки – потрясала. Всякий опыт космонавта обнулялся на равнинах чужого мира, пусть даже спутника.

Правда, скафандр «Кречет-М» являлся знакомой «одежкой». Ну, если не считать, что ее не надевали, а влезали через дверцу на спине. В «Кречете» можно было падать – и вставать, потеть – и не мокнуть; десять часов подряд бегать или долбить ломом породу, и не задохнуться – автономности хватало. И это было главным.

Отшлюзовавшись, Почтарь вышел в негерметичный гараж, где помещались два тяжелых лунохода и два легких. «Автоколонна» сократилась ровно наполовину: один тягач с жилым вагончиком на прицепе увел Рукавишников, а легкий «ровер» потерялся вместе с Почкиным и Гарфилдом.

Насупившись, Паха откатил пластметалловую штору – кинжальный огонь Солнца ударил почти ощутимо. Светило висело над близким горизонтом, одолев треть пути к зениту. За двухнедельную ночь лунный грунт вымерз, а теперь отогрелся – термометр показывал семьдесят градусов тепла.

Кряхтя, Почтарь расселся на луноходе, смахивавшем на странный багги – решетчатая платформа на четырех автономных колесах. Особо гнуться в полужестком «Кречете» не получалось – кираса не пускала, но лунная «сила легкости» смазывала неудобства. Это на Земле Паха весил восемьдесят кило, а здесь и на двадцать пять не вытягивал!

⁶ В РИ долговременную лунную базу «Звезда» планировалось развернуть в 80-х годах.

Запасной баллон с кислородом и пару заряженных аккумуляторов он погрузил в багажник – на всякий случай. Прикинул шансы – и сунул в ножной карман новенький «Грач», пистолет Ярыгина со спиленной спусковой скобой, иначе палец в перчатке не просунешь.

«Лучше перебдеть, чем не добдеть, – подумалось Почтарю. – Поехали...»

Жмем на красную кнопку... Давим на педаль...

Низкое жужжание электромоторов передалось через жесткое сиденье – луноход резво выкатился «на улицу». В колее, наезженной вокруг базы, ровер почти не трясло, а дальше, в сторону каньона Хэдли, тянулись, переплетаясь, следы рубчатых колес.

Первое время Павел вел напряженно, крепко сжимая рулевую дугу обеими руками в перчатках, но постепенно ослабил хватку – простая и надежная машина слушалась малейшего нажима. Миновав посадочную площадку, посреди которой растопырила коленчато-изогнутые опоры «элкашка», Почтарь направил луноход по трассе, отмеченной алюминиевыми вехами. Ночью вешки тлели рубиновыми набалдашниками, зато днем сверкали так, будто плавилась – и не хочешь, а заметишь этот нестерпимый блеск.

Павла слегка нервировали круглые черные ямы, испятнавшие лунный шлях – воронки мелких кратерков, до краю полные сгущенной тени. А еще дрожала в душе неуверенность на спусках и подъемах – тело не клонилось вперед или назад, ощущения оставались теми же, что и на равнине.

Хотя, с другой стороны, огромные, желтовато-коричневые холмы, дыбившиеся вокруг, не поражали крутизной – их склоны, усыпанные пылью или скальником, вздымались и опалили полого. Порой темный фон возвышенностей разрывался белыми треугольниками осыпавшейся пемзы или застывшим потоком розоватого порфира.

Почтарь съехал к разлому Хэдли Рилл в месте под названием Терраса, и сосредоточил свое внимание на освещенной Солнцем каменистой полосе между зоной тени и обрывом, иссеченным трещинами.

Стрельбу выдали короткие сполохи, рвавшие бархатную тень. Первая пуля пробилла мотор-колесо, луноход занесло и развернуло, спасая Павла от второй, более меткой. Почтарь оттолкнулся ногами, бросая тело на сыпучий грунт.

Страх не было, зато Паху трясло от бешенства. Выхватив «Грач», он пальнул навскидку, метясь на огонь выстрела. Перекатился, и шлепнул рукой по кнопке на приборной доске. Ответная пуля срикошетировала, но уже вспыхнули фары, засвечивая глубокую впадину, прикрытую, как навесом, плитами древней лавы, искрящимися в лучах.

Фигура в скафандре присела от испуга. Слепленный стрелок пальнул дважды наугад, взял короткий разбег и мощно оттолкнулся, сразу выдавая незнайку – болтая руками и ногами, он описал дугу в восемь-десять метров, но планировал замедленно, будто во сне.

«Как в тире...»

Нехорошо улыбаясь, Почтарь оперся коленом о мотор-колесо, прицелился и выстрелил. Неизвестный в «Кречете» сильно вздрогнул, его болтавшиеся конечности повисли. Скафандр мягко зарылся в пыль, подскочил невысоко, будто сдутый мяч, и покатился с отлогой кручи каньона.

«Так тебе и надо!»

Бурно дыша, Павел поднялся, с третьего раза попадая стволом в карман – толстые перчатки скрывали сильный тремор. Фу-у...

Первым движением было погасить фары, чтобы зря не расходовать заряд аккумуляторов – хорошая привычка экономить и беречь, на Луне возводилась в суровый закон.

Унимая дыхание, Почтарь присмотрелся. А впадина-то с секретом! Это была протока в древней лаве – миллиард лет назад она плюхала здесь, оставив по себе круглый туннель, перекрытый пластами базальта и туфа.

«Всё чудесатее и чудесатее...» – мелькнуло в голове неграмотное, но верное определение Алисы.

Фары Павел выключил, но фонарь прихватил – луч запрыгал по серым наплывам стен. Поворот влево... Поворот вправо...

Впереди пробился слабый свет.

«Неужели...»

Нет, это обрушились плиты, складывавшие стены и потолок лавового туннеля, а сверху... Почтарь прогнулся назад, чтобы глянуть. А сверху – осыпи, расселины... И черное небо.

«Это тот провал, что с краю Южного Кластера!» – догадался Паха, вспоминая карту.

Споткнувшись, он упал, вытягивая руки. Колени мягко вдавились в нанесенный реголит, а ладони шлепнули о чужой скафандр. На расстоянии ладони перед Почтарем колко сверкал разбитый лицевой щиток, за которым страшно пучились глазные яблоки, натягивались небритые щеки и кривился рот в застывшей навеки гримасе.

Шеврон НАСА и нашивка с именем «J. GARFIELD» не оставляли сомнений, с чьим трупом Павел встретился «лицом к лицу».

– Чтоб ты сдох! – с чувством выразился он, хоть и без особого смысла. – Ага...

Разглядев под свежей осыпью круглившийся белый бок отработавшей ступени «Сатурна-5», Почтарь больше не удивлялся. Встав, он разгреб текучий реголит, добравшись до огромного сопла.

Третья ступень S-IV B. По невнятному докладу астронавтов с «Аполлона-12», ступень предполагалось вывести на гелиоцентрическую орбиту, однако, якобы из-за нештатной работы двигателей, она осталась на «квазистабильной геоцентрической орбите». А на самом деле ее мягко посадили... Прямо в этот провал.

Почтарь испытал сильнейшее желание почесать в затылке.

Надо полагать, засыпал ступень Гарфилд... Высмотреть ее с краю, в угольной тени, и без того нереально... Следовательно, слой грунта вовсе не для маскировки – это защита от холода и радиации...

Если бы Павел мог, то побежал бы. Переваливаясь, он выбрался к плоскому торцу ступени – и застыл перед люком.

Надежда была нестерпима, но и решимость на нуле.

Лишь на пятый удар сердца Почтарь раскрутил штурвальчик. Из-за кромки слабо пыхнуло воздухом, и техник протиснулся в маленькую шлюз-камеру, верхушкой скафандра задев тускло калившуюся неонку.

«Чтобы не разочаровываться, не очаровывайся, – припомнил Паха свое правило. – А что, у меня большой выбор?...»

Неуклюже развернувшись, он закрыл внешний люк. Крышка внутреннего поддалась минуту спустя, когда сравнялось давление. Глухо донесся лязг запора, и Павел переступил высокий комингс.

Ему открылось светлое помещение, вдвое шире обитаемого блока «Звезды». Надувная мебель. Баллоны с кислородом. Сборка топливных элементов. Бак с водой. Ящики с провизией. Пустой «Кречет». А на полусдутом матрасе лежал человек в комбезе, с забинтованной ногой, и направлял на Почтаря огнестрел. Ствол подрагивал.

Павел медленно поднял руку, сдвигая лицевой щиток, и спокойно сказал:

– Свои, Рома.

*Пятница, 10 марта. Вечер
Ленинград, Васильевский остров*

Вечерело, когда «Бриз» испустил протяжный басистый гудок. Нас никто не провожал, на причале было пусто – мы покидали Ленинградскую гавань, как всякий залетный сухогруз.

Наверное, поэтому в душе копился неуют. На берегу бурлила жизнь, да и соседние суда не отставали от суши – всё лязгало, гудело, краны ворочали стальными шеями, а бодрые «Вира! Майна!» глушились резкими криками чаек.

Пока закончился таможенный досмотр, успело стемнеть.

Дизель-электроход отчалил, медленно удаляясь по спокойной воде, а за кормой таяло зарево огромного города. Угасли огни Ломоносова, затем и Кронштадт растворился в зябкой, сырой черноте.

Ночью прошли на траверзе Таллина – впотьмах белели косынки парусов. Только я этого не видел. Спал.

*Суббота, 11 марта. Вечер
Балтийское море, борт д/э «Бриз»*

Весь день вокруг стыло море. Пасмурное небо окрашивало Балтику в холодный стальной цвет.

К вечеру вышина очистилась от грязной рванины облаков, и яркое солнце размалевало воды и сушу во все оттенки закатной алости – от жеманного нежно-розового колера до царственного багреца.

Из темных волн выплывал Копенгаген – сученные, слипшиеся боками дома ганзейских времен; чернотвольные парки, сквозящие частой штриховкой ветвей; сытые белые домики под нахлобученной черепицей – и толстомясые «Боинги», с тяжеловесной грацией разлетавшиеся из Каструпа.

А когда на пылающий небосклон наложился четкий, словно вырезанный из черной бумаги силуэт замка Кронборг, явил себя Ромуальдыч. В мятых парусиновых брюках, в тельняшке под наброшенной курткой, он сливался с образом корабля.

– Что, товарищ боцман, – усмехнулся я, – некому палубу драить?

– Етта... – прогудел Вайткус. – Совсем мышей не ловят. Забились по каютам, как по норкам, и сидят!

– Оморятся... Не отошли еще. Их сам генерал Лазаренко набирал, а это тот еще диверсант! Не хуже Судоплатова. Ничего, притремся... Наши как?

– Да как... «Бублик» в сотый раз эмиттеры тестирует, а Киврин по палубе шляется и делает вид, что проверяет отражатели. Р-распустились!

– Гоняйте их, товарищ боцман, чтобы не завяли...

Затопали шаги, и в свете фонаря я узнал Ивана Третьего, пружинисто шагавшего по палубе. За ним тенью ступал Умар – Иванов по обычаю строил команду из тех, кто был по уши в наших секретах.

– Говорят, в океан выходим? – блеснул зубами Юсупов.

– Етта... – солидно рокотнул Вайткус. – В пролив Эресунн, салага.

Ржаво лязгнула дверь, и невидимый в потемках Корнеев истошно завопил:

– Михаил Петрович!

– Ну, что еще? – крикнул я, сжимаясь внутри, и лихорадочно перебирая вероятные несчастья.

– Ромка нашелся! Почкин! Живой!

Поверил ли я в тот момент? Нет. Это было слишком фантастично – спастись на Луне! Но все равно, меня мгновенно переполнило великолепное ощущение легкости, простого житейского счастья.

– Подробности! – рявкнул боцман.

– Там схрон был! Не постоянная, а посещаемая станция! – экспрессивно выдал Витёк. – Почкин в ней и отсиделся! Американец в него – ба-бах! – из сорок пятого калибра, а Ромка его – тресь! – лопатой по иллюминатору! Кислород – йок, летальный исход!

– Та-ак... – затынул я, крепко потеряв ладони. – У меня коньячок припасен. Дагестанский!

– Виски! – поднял руку Ромуальдыч.

– Та-ак... На камбуз! Тетя Валя не откажет в закуске!

А «Бриз» по-прежнему гнал буруны к датскому и шведскому берегам. Лунный полумесяц цеплялся за верхушку мачты, как за шпиль мечети, и холодил пролив отраженным светом.

Воскресенье, 12 марта. День

Луна, ДЛБ «Звезда»

Почтарь устал жать руки и цеплять голливудскую улыбку, хотя, быть может, тут и своеобразное кокетство присутствовало – дескать, я бы скромно ушел, как герою и полагалось бы, но куда ж от вас скроешься?

Счастливый визг Ясины стал самым приятным моментом. Сначала девушка хотела упасть в обморок, но потом передумала, и просто заревела. Слезы льются, а она радуется, лепечет всякий ласковый вздор – и страх в глазах. Вдруг ей всё это только снится?!

Павел на цыпочках прошел в медицинский отсек, похожий на спальный – та же перегородка, только вместо диванов – койки, а в санзоне не душевая с туалетом, а маленькая операционная.

Четвертый день медотсек полон – слева лежит Почкин, над ним порхает Яся в белом халатике, а справа валяется Гас Рикрофт, облепленный датчиками. Состояние тяжелое, но стабильное.

Роман, заметив своего спасителя, раздвинул губы в улыбке, но техник приложил палец к губам – не смущай Ясю. А девушка в энный раз переживала свою черную беду, вдруг обернувшуюся ослепительной радостью.

– Мне говорят: «Без вести», а я не верю! – щебетала она, споро делая перевязку. – И как быть, не знаю... До того устала, помню, что даже глаза высохли. Сижу, тупо уставившись перед собой, и чего-то жду. И вдруг... затаскивают тебя! Непутевого, но живого...

Ясина замерла, а Рома подтянулся, и обнял ее за бедра.

– Прости, – забубнил он. – В первый день так хреново было, да и на второй... Помню, что полз, а как отшлюзовался – убей бог... Очнулся, главное, и думаю, кто ж это меня так забинтовал? И «кольт» этот... Не бросил же, тащил железяку...

– Всё, всё, Ромочка! Ложись!

Почкин неохотно отнял руки, и опустился на подушку, а Яся лишь теперь заметила Почтаря.

– Привет, Павлик! – радостно воскликнула она.

– Привет, – улыбнулся Паха. – Я тут, по совместительству, еще и следователь. С Земли вопросы скинули... Можно раненого потерзать?

– Терзай! – рассмеялась врачиня. – Я пока обед принесу.

– А можно мне тоже немного поболеть?

Девичий смех зазвенел колокольчиком, и затих в тамбуре. Сочно чмокнула герметичная прокладка.

– Ну, что, мнимый больной? – фыркнул Почтарь. – Наслаждаемся жизнью?

– Ага! – Почкин безмятежно улыбнулся. – Что за вопросы?

– Скажи, ты зачем вместе с Гарфилдом поехал?

– Да просто... – пожал Рома плечами. – Подвезешь, говорю? А то весь транспорт в разгоне. Садись, говорит. Ну, мы и поехали...

– Так он улавливателем не интересовался? – поднапрягся Павел.

– Раньше – да, а в тот день молчал. – Почкин пожал плечами. – Нервный какой-то был... Да я тогда к улавливателю и не собирался даже. Зачем? Всё работает, информация поступает... Меня Макаров просил помочь на «леднике», им рабсилы не хватало. Ну, чего б не помочь? А Джо меня у Южного Кластера высадил, оттуда до «ледника» десять минут идти. Только я не дошел...

– Вернулся?

– Да всё, знаешь, – замялся Роман, – как в дурацком детективе. Я уже за валом кратера был, когда вдруг вспомнил, что лопату на ровере оставил, балда. Сунул в багажник, когда выезжали, и забыл! Я обратно, ругаюсь на себя, а лунохода не видать. Помню, еще забеспокоился – там же провал рядом! Что толку с малого веса? Масса-то прежняя осталась! Грохнется со всей дури... Там же метров сто до дна! И точно! Подхожу к краю, гляжу вниз – луноход! Я, правда, не испугался тогда, а разозлился. В провал... там такая расселина была, типа желоба, и по нему можно было спуститься. Круто очень, но можно. Смотрю – точно! Пылится желоб! Я вниз... Что, думаю, за дурак такой? Обратного-то как выбираться? Я ж не знал тогда, что там еще один выход... Спустился, и кричу: «Ты что, совсем дурак?» А этот... оборачивается, и аж воркует в наушники: «Он слишком много знал!» И пистолет тянет... Я шарахнулся, хват лопату, ору: «Брось оружие!» А тот стрелять... Три пули выпустил, две мне в ногу! Ну, я ему лопатой и съездил...

– И правильно сделал, – кивнул Павел. – Знаешь, меня больше эта тайная станция интересует, чем детали вашей драки... Ты, кстати, не волнуйся, ничего тебе не будет – самооборона! А вот станция...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.